

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Игорь Москвин

ЗАКАТЫ И
РАССВЕТЫ

«КРЫЛОВ»

Исторический детектив (Крылов)

Игорь Москвин

Закаты и рассветы

«Крылов»

2025

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Москвин И.

Закаты и рассветы / И. Москвин — «Крылов»,
2025 — (Исторический детектив (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0479-1

1897 год. Санкт-Петербург. Столица Российской империи – город большой, а потому всегда привлекал бандитов, убийц и воров. Здесь есть чем поживиться, есть где затеряться. Поэтому и полиция не знает спокойной жизни, каждый день новое происшествие. Убита жена английского подданного, на окраине города найден неопознанный труп со следами удушения, а еще объявилась некая криминальная парочка, которая обирает посетителей трактиров и ресторанов, опаивая их крайне опасной химией. И вот что любопытно: между этими, на первый взгляд, совершенно разными преступлениями начинает проявляться странная взаимосвязь. Но может ли вообще быть такое? Этот клубок размотать непросто, но размотать его необходимо. За дело берётся коллежский советник и ныне начальник сысской полиции Леонид Алексеевич Шереметевский.

УДК 82-31

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4226-0479-1

© Москвин И., 2025

© Крылов, 2025

Содержание

I	8
II	21
III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игорь Москвин

Закаты и рассветы

© Москвин И., 2025

© ИК «Крылов», 2025

* * *

Мужской клуб

Исторический детектив

Игорь
МОСКВИН

ЗАКАТЫ
И
РАССВЕТЫ

Санкт-Петербург
ИК «Крылов»
2026

I

1

Коллежский советник Леонид Алексеевич Шереметевский, начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга, со времени вступления в должность никогда доселе не находился в столь раздражённом состоянии. Преступники в столице не давали спокойной жизни. Оно и понятно: крупный город, а тем более центр государства, всегда привлекает бандитов, убийц и воров. Здесь можно спокойно, и даже без документов, затеряться среди сотен тысяч обывателей. А какое поле для деятельности – это же мечта любого преступника!

С января месяца 1897 года в столице объявились люди, которые никого не убивали, никому увечий не наносили, но с завидной периодичностью опустошали кошельки, обирая подгулявшую в питейных заведениях публику. Всё бы ничего, такое случалось во все времена. Но здесь разыгралось невиданное ранее – потерпевшие лишались памяти и не могли вспомнить, что с ними произошло не только в тот день, когда они встретили злоумышленников, но и в последующие. Словно кто-то взял в руки тряпку и стёр события из жизни.

– Леонид Алексеевич, – сегодня докладывал чиновник для поручений Яков Яковлевич Коцинг. Щурил глаза, будто на лицо падал солнечный свет, и смахивал со лба капли пота, словно переволнованный гимназист на экзамене. Яков Яковлевич нервничал, несмотря на то, что с начальником, как говорится, съели пуд соли и не одну бездомную собаку обглодали. Ведь сколько раз ездили в командировки для дознания особо сложных убийств, с которыми местные полицейские заходили в глухой тупик. – Леонид Алексеевич, все пострадавшие абсолютно ничего не помнят или вспоминают с большим трудом, в каком трактире их опоили.

– Я это слышу уже не первый раз. И каждый раз одно и то же. Неужели пострадавшие... – Шереметевский хотел выругаться, но сдержался.

– Леонид Алексеевич, всех потерпевших находили в разных частях города и, как правило, в глухих улицах, где и днём никто не ходит, не то что ночью.

– Одно радует, – Шереметевский чувствовал, что должность делает получившего её бесчеловечным. Сей человек начинает относиться к происшествиям всего лишь как к фактам, его волнует лишь то, будет ли дело раскрыто или так и останется безымянной папкой в архиве, – что все потерпевшие хотя бы живы и здоровы, пусть только лишились денег и ценностей. Но всё-таки неужели нет ничего, никакой зацепки?

– Я бы не сказал, что нет, – Яков Яковлевич нахмурился, но тут же расплылся в улыбке. – Две первые жертвы, Сергей Иванович Петькин и Евграф Семёнович Репьёв, припомнили, что заходили: один в трактир на Шлиссельбургском, второй в «Вену», которая в селе Александровском, но тоже по Шлиссельбургской дороге.

– И что вы, Яков Яковлевич, предприняли? – с раздражением спросил Леонид Алексеевич.

– Пока ничего, – Коцинг наклонил голову к левому плечу, хотел продолжить, но его перебил начальник сыскной полиции:

– Позвольте полюбопытствовать, почему? – Последнее слово вылетело, словно камень из пращи, резко и со свистом.

– Вышеупомянутые мной господа только сегодня утром явились к нам, в сыскное отделение. Это удача, что они начали что-то вспоминать.

– Хорошо, – уже примирительным тоном сказал всё ещё раздражённый Шереметевский. – Но вы проверили трактиры, которые находятся рядом с местами проживания и службы потерпевших?

– Да, там никто не мог вспомнить наших обворованных, тем более они обедают дома, у каждого из них есть кухарка.

– Но я не понимаю, – потёр виски Леонид Алексеевич, – если потерпевшие обедают дома и ни в какие заведения не ходят, то как они могли туда попасть?

– Господин Петькин лишился места и в силу таковых обстоятельств решил...

– Залить беду водкой? Занимательно – иностранец стреляется или в петлю лезет, а наш человек не придумал ничего лучшего, чем залить очи до потери сознания.

– Совершенно верно, есть такая черта. Наш потерпевший сперва долго бродил по городу, не решаясь вернуться домой, чтобы не огорчить жену. Вот и зашёл по дороге в первый попавшийся трактир. Там взял штоф и, как полагается, приложился...

– Понятно, – покачал головой Шереметевский, – там к нему подсели добрые люди, которым господин Петькин излил в пьяном угаре душу, а так как у него при себе имелись деньги... – Леонид Алексеевич вопросительно посмотрел на Коцинга.

– Именно так. Петькин хранил деньги в служебном сейфе, ему пришлось их оттуда забрать.

– И пошёл в трактир, – подытожил начальник сыскной полиции, – где после выпитого потерял память.

– Да, потерял.

– Неужели сейчас начала возвращаться?

– Да.

– Спустя столько времени?

– Спустя три месяца.

– Вам не кажется это странным?

Коцинг только пожал плечами. За него вступился присутствующий в кабинете чиновник Силин.

– Леонид Алексеевич, – всегда, когда брал слово, Александр Петрович поднимался с места. Невысокого роста, широкий в плечах, словно борец в цирке, с густыми усами на постоянно сосредоточенном лице, где даже брови сходились на переносице, – времени прошло со дня первого ограбления немало, но преступники чувствуют себя в питейных заведениях, простите, как рыба в воде. Однако сейчас понятно, что они выбирают жертву не только по расстроенному виду, но и по содержимому кошелька. Знакомятся с ним, участливо выслушивают его историю, а уже потом подмешивают какой-то порошок или зелье. Здесь нам доктора помочь не смогли. А то, что к потерпевшим начинает возвращаться память, это нам на руку. Возможно, смогут припомнить не только заведения, в которых заливали горе, но и тех, кто им сочувствовал.

Вместе с должностью Шереметевский получил в нагрузку и помощника – коллежского асессора Силина, прибывшего из варшавской сыскной полиции, где он в последнее время готовился стать начальником сыскной полиции уже Санкт-Петербурга, но не сложилось. Леонида Алексеевича знали как хорошего специалиста по уголовному розыску не только в Департаменте полиции, но и в Министерстве внутренних дел. Перевесило то, что в нынешнее время надобен именно такой человек, а не администратор, способный только к составлению отчётов. Предыдущий начальник сыскной полиции господин Воцинин Платон Сергеевич сам попросился в отставку: в последние годы здоровье его почему-то в одночасье ухудшилось, он понял, что исполнять обязанности начальника сыскной полиции не может, а постоянно находиться на излечении не позволяла профессиональная гордость. Всё-таки столько лет отдано борьбе с преступниками. Господин Силин уже примерял на себя новую должность, но не случилось.

В департаменте рассудили иначе, и новым начальником сыскной полиции стал Шереметевский. Зла Александр Петрович не затаил и даже не впал в обиду, ибо всегда пребывал во всех местах, где доводилось служить, на вторых ролях.

– Александр Петрович, мне ваши резоны понятны, но у нас двадцать восемь потерпевших. Вы понимаете? Не один, не два, не пять, наконец, а целых двадцать восемь! И ни одного внятного показания. Где, когда и с кем? Директор департамента сучит ногами, министр не знает, что докладывать государю. А мы, то есть я, киваю на то, что потерпевшие потеряли память. Но мы же с вами не первый год в сыскной полиции. Неужели перевелись внештатные сотрудники? Неужели никто ничего не видел, не слышал и не знает? Тогда позвольте полюбопытствовать, куда уходят средства из фонда для поощрения агентов? Не подскажите, Александр Петрович?

Слышался только стук костяшек пальцев по столу. Яков Яковлевич сжал губы, играя желваками. Потом сочувственно посмотрел на начальника сыскной полиции. Теперь он понимал, что на вышестоящих чиновников всегда давит не только груз ответственности, но и тяжесть вопроса: когда преступник или преступники будут пойманы?

– Хорошо, – Шереметевский устало провёл рукой по лицу, – идите работать. Обо всём сразу же докладывайте мне лично и в любое время дня и ночи.

Сыскные агенты поднялись, не глядя друг на друга, придвинули стулья к столу и вышли из кабинета, где на стене висел во весь рост парадный портрет нынешнего государя Николая Александровича, устремившего взгляд куда-то вдаль. Но каждому из чиновников казалось, что нынешний царь наблюдает именно за ним, выражая своё недоумение – а может быть, вы, господа, занимаете должности не по рангу?

2

В коридоре чиновники не перекинулись, как обычно, парой слов, а молча разошлись каждый в свою сторону, будто оба провинились перед начальником.

Яков Яковлевич за прошедшие два месяца десятки раз встречался со своими завербованными агентами, провёл сотни бесед с родными, соседями, даже иной раз и со случайными знакомыми потерпевших. Но сведений практически никаких не получил. Да, все заходили в трактиры и после этого память как ножом обрезало. Никаких воспоминаний, даже обрывочных. Да, такое, чтобы ничего после выпитого не помнил, кроме чёрного непроницаемого пятна, могло случиться с одним потерпевшим. Но здесь-то не один, не два...

Чиновник для поручений Коцинг даже ходил в университет и встречался с профессорами, которые изучают человеческий организм, с химиками, которые занимались ядами. Но никто толком не мог ничего сказать, только выказывали удивление.

– Как – два месяца? Не может того быть!

А один из профессоров взял под локоть Якова Яковлевича и попросил:

– Господин Коцинг, когда поймаете этого... – профессор хотел сказать «учёного господина», но споткнулся об эти слова: как-то неуместно они бы прозвучали, – э-э... преступника, позвольте с ним побеседовать?

– Непременно, – пообещал, скрежетнув зубами, чиновник для поручений.

Словом, времени на господ профессоров он потратил много, но толком ничего не узнал.

Яков Яковлевич решил, прежде чем начать обходить трактиры, которые после большого перерыва вспомнили первые потерпевшие, переговорить с ними. Возможно, какие-то мелочи проявятся вспышками в памяти, эдакими яркими сполохами.

Сергея Ивановича Коцинг дома не застал. Жена сказала, что Петькин направился на очередную аудиенцию, но теперь в Министерство уделов, где служил его давний знакомый, пообещавший замолвить словечко перед каким-то начальником, и когда муж вернётся – неизвестно.

Второй потерпевший, Евграф Семёнович, к счастью чиновника для поручений, не спешил устраиваться на новую службу. Доходов с имения, хоть они и были невелики, хватало и на пропитание, и на ложу в Александринском театре.

– Господин Репьёв, – вместо приветствия сказал Коцинг, переступив порог домашнего кабинета хозяина.

– Яков Яковлевич, – Евграф Семёнович постарался придать лицу приветливое выражение, будто ещё минуту назад не пробурчал горничной жены: «Что это его приволокло?». – Какими судьбами?

– По вашу душу.

Репьёв опешил и состроил страдальческую гримасу, будто пришедший сыскной агент намеревается произвести жестокую пытку с применением средневековых средств.

– Яков Яковлевич, – теперь лицо Евграфа Семёновича выражало недоумение. – По какую душу?

– По вашу, – и Коцинг без приглашения сел по другую сторону стола от хозяина. – Здесь до меня слухи дошли, что вы, милейший Евграф Семёнович, начали вспоминать не только тот трактир, в котором с вами произошло несчастье, но и людей, с которыми вы там... – хотел сказать «пьянствовали», но пожалел Репьёва, – нечаянно столкнулись.

– Кто это вам сказал? – хотел было возмутиться хозяин, но под взглядом чиновника для поручений стушевался и даже слегка покраснел. – Да, Яков Яковлевич, я стал кое-что вспоминать, но помилуйте, – голос его стал довольно высоким, словно у торговки на базаре, – я не помню всего. Будто кто-то закрасил все мои воспоминания чёрным цветом.

– Но вы же вспомнили, что заходили в ресторацию на Шлиссельбургском?

– Да, но именно после него у меня в памяти провал.

– Скажите, Евграф Семёнович, как вы туда попали? Ведь где ваш дом и где питейное заведение? – Яков Яковлевич намеренно произнёс «питейное».

– Я... – Репьёв нахмурил лоб и тяжело задышал, видимо, очень ему не понравились слова сыскного агента. Хотел было выказать своё негодование, но сник. Вопросы заданы правильные. Не службы он лишился в тот день... Будто чёрт дёрнул его тогда поспориться с женой и отправиться от досады к любовнице, чтобы утешиться в её объятиях. Но та, как в пошлых газетных рассказиках, была с другим. И утешала того второго, более молодого и красивого. Вот и захотелось забыться в винном фужере – выплеснулась наружу злость на весь окружающий мир. В конце концов он оказался у Александро-Невской лавры. Нет, чтобы подумать о душе, – вместо этого его понесло в кабак... Вот такие воспоминания промелькнули в голове у хозяина кабинета. Он открыл рот и с каким-то детским испугом сперва прошептал, а потом с усилием проговорил:

– Я... Понимаете, Яков Яковлевич, в тот день всё пошло наперекосяк. Всё и с самого раннего утра. Всё, – он замотал головой. – В прошлый раз я вам сказал, что лишился по оплошности службы и поэтому в расстроенных чувствах не понимал, что делаю. Я сказал вам неправду. В то утро я повздорил с женой, да так, что мне не доставало сил оставаться дома, да и на службу идти не хотелось. Опять, простите, эти постные министерские рожи. – Он передразнил кого-то: – «Здравия вам, Евграф Семёнович. Не соблаговолите ваше пальто, Евграф Семёнович? Не изволите ли подписать, Евграф Семёнович?» – Лицо Репьёва налилось кровью, но он сдержал себя. – И я поехал, – здесь он понизил голос, – по питейным заведениям. Вначале здесь, на Васильевском, потом на Невском, пока не добрался до Лавры, а там, вы знаете, зашёл в злосчастную ресторацию – и всё... далее ничего не помню.

– Но вы всё-таки вспомнили ресторацию?

– Да, знаете, какие-то картинки, потом появились люди, размытые, как через грязное окно, – и вы представляете, теперь я, как бы вам это объяснить, начал видеть лица тех, кто сидел со мной за столом.

- Вы их узнаете, если встретите?
- Боюсь, что пока нет. Я же говорю, они размытые, будто смотришь в мутное окно, и вокруг них сплошной туман.
- Скажите, вы вспомнили только лица?
- Нет-нет, ещё и голоса. Вот голоса я помню, – и тихо добавил: – один мужской, такой мягкий баритон, убаюкивающий, словно всю жизнь пел колыбельные песни. Ну, прямо как в детстве, – Евграф Семёнович мечтательно посмотрел мимо сыскного агента, затем вздрогнул, словно очнулся. – А второй – женский.
- Женский?
- Именно так. Но он был каким-то... даже не знаю, как его описать, но скорее командным.
- Вам не показалось, что женщина в этой парочке за главную? Так сказать, руководит напарником?
- Репьёв словно чему-то обрадовался.
- А ведь вы правы, Яков Яковлевич. В этом дуэте женщина, видать, и впрямь главная.
- Благодарю, Евграф Семёнович. Вы не припомните, в котором часу вы попали в ту ресторацию?
- Яков Яковлевич, – хозяин скривил губы в улыбке, – вы думаете, я тогда за временем следил? Не обессудьте. Но если опять что-то в голове промелькнёт, то я сразу к вам. Уж очень хочется мне, чтобы вы их изловили. Мне не денег, господин полицейский, жалко, которые они у меня украли, – бог с ними, с этими деньгами, – мне за себя обидно. Вы понимаете, меня, как дворового пса, сперва по голове погладили, приголубили, участие выказали, а потом на помойку выбросили. Хорошо, что хоть жив остался. А могли бы удавку на шею или нож под сердце...

3

В 11 часов 28 минут, как отметил дежурный чиновник в журнале происшествий, он поднял трубку телефонного аппарата. Слышимость оставляла желать лучшего, но жаловаться не приходилось. Сквозь электрические помехи в виде потрескиваний и далёкого эха пробился бравый командный голос, который первым делом представился, давая понять тем самым, что телефонирует по серьёзному вопросу:

– Пристав Шлиссельбургского участка ротмистр Барач. – И продолжал тем же бравым тоном: – Сегодня утром недалеко от Ямской слободы, – и пояснил, будто человеку, не знакомому с городом, – от села Смоленского и здания участка, местным жителем, – видимо, заглянул в бумагу, но произносить фамилии не стал, посчитал излишним, – найдено тело мужского пола со следами насильственной смерти. Я прошу господина Шереметевского командировать к нам агента отделения для проведения дознания, – говоривший облегчённо выдохнул, что не открылось от дежурного чиновника.

– Простите, господин ротмистр, вы сказали: «Село Смоленское»?

– Так точно.

– Но оно не так уж мало. Где вас там искать?

После некоторого молчания пристав произнёс:

– Близ здания участка.

– До приезда агента сыскной полиции, – взял за Леонида Алексеевича на себя ответственность дежурный чиновник, – ничего не трогать и огородить место преступления, чтобы ваши, – позволил себе вольность, – надзиратели, городовые и местные жители не натоптали, как стадо коров.

– Это само собой. Я уже распорядился сделать так, как вы сказали. Когда ожидать прибытия сыскного агента?

Дежурный нахмурился и подумал, что напрасно он обещал приставу прислать агента. А ну как Леонид Алексеевич отмахнётся и заявит, что пристав и его люди сами в состоянии провести дознание?

– Господин Шереметевский сейчас примет решение. Скажите, куда вам телефонировать?

– Я сейчас на механическом заводе, – возникла некоторая пауза, – и сразу же отправлюсь на место, где нашли тело. Поэтому ждать буду там.

– Хорошо.

Дежурный чиновник аккуратно опустил телефонную трубку и вытер платком бисеринки пота, выступившие на висках.

– Н-да.

Леонид Алексеевич сидел, склонившись над столом, читал, нахмурившись, какой-то документ и шевелил беззвучно губами. Сразу видно, что настроение мрачное, а здесь ещё и дело, скорее всего, об убийстве.

– Разрешите?

Шереметевский поднял глаза на вошедшего чиновника и обречённо вздохнул.

– Ну, что там ещё?

– Леонид Алексеевич, телефонировал пристав Шлиссельбургского участка ротмистр Барач: в селе Смоленском найден мужской труп со следами насильственной смерти.

– Стало быть, село Смоленское... Где, точнее? – Леонид Алексеевич посмотрел в окно, где солнце отсчитало полуденный час. Действительно, настроение оставляло желать лучшего. Сказывалась усталость и от службы, и от домашних дел. Господь две недели тому подарил четвёртого ребёнка, названного тоже Леонидом. Тщеславие, видите ли, выиграло. Захотелось, чтобы имя продолжало жить, если что... А это «что» на сыскной службе очень уж непредсказуемо. Сегодня ты ловишь бандитов, а завтра сам станешь их законной добычей и нарвёшься на пулю или нож при задержании. Хотя не следует бросаться самому на преступников – есть штат сыскного отделения, а в нём имеются и богатыри, способные одним ударом свалить с ног даже самого стойкого. Но привычка, как говорят, – вторая натура. Если задерживать кого-то, то только самому, чтобы показать пример сотрудникам.

– Недалеко от здания полицейского участка.

– Даже так? – Шереметевский вскинул правую бровь. – Неужели подкинули?

– Так доложил ротмистр.

– Занятно. Труп – и возле участка, – ещё больше нахмурился начальник и, будто о чём-то размышляя, не глядя на принесшего дурную весть подчинённого, поинтересовался: – Кто из чиновников сейчас в отделении?

– Василий Константинович, – дежурный чиновник имел в виду надворного советника Викторова, – и Аполлон Александрович.

Услышав второе имя – коллежского асессора Жеребцова – Шереметевский скривился. Последний хоть и обладал хваткой полицейского, но недоставало в нём сыскной жилки, чтобы сразу же, без раздумий, принимать правильное решение. Леониду Алексеевичу не нравилось, что Аполлон Александрович более полагался на суждения начальника, нежели на свои.

– Пригласите ко мне Викторова, – и тут же добавил: – И распорядитесь, чтобы подали экипаж. Я сам поеду в Смоленскую.

Начальник сыскной полиции мог и не выезжать на место преступления – для этой цели есть чиновники для поручений, – но Леонид Алексеевич предпочитал сам осмотреть убитого или убитых и местность, где было совершено злодеяние.

– И, будьте любезны, пошлите за доктором... Хотя нет, мы заедем за ним по дороге, – но тут же подумал: «А если старшего врача полиции надворного советника Еремеева не окажется на месте?» – Господи, – спохватился начальник сыскной полиции, – телефонируйте Ивану Васильевичу, что мы за ним заедем.

Василий Константинович Викторов ростом не вышел, но Всевышний не обделил чиновника для поручений ни статью (эдакий крепыш, будто борец из цирка), ни умом. Схватывал всё на лету... правда, сам же иной раз принимал решения не очень толковые. Иногда, чтобы не выполнять розыска, когда дело касалось какого-нибудь найденного трупа оборванца, приводил в отделение первых попавшихся и назначал их виновными. За что ему попадало от начальника. Но, надо отдать должное, никогда за спины подчинённых не прятался. И если что-то пошло по его вине не так, то отвечал всегда сам. – Леонид Алексеевич, вызывали?

– Собирайтесь, в Смоленской слободе найден труп, – и Шереметевский пояснил, чтобы не держать Викторова в неведении: – Предстоит работа по дознанию. Более ничего добавить не могу, сам не знаю. Я видел некоторое время тому назад надзирателя Гурского, вот его тоже возьмите с собою.

Выехали через четверть часа.

Роман Сергеевич Гурский сидел и ни о чём не спрашивал. Знал, что Леонид Алексеевич сам расскажет обо всём, что известно на данную минуту. Но начальник продолжал молчать, только смотрел на пробегающие по сторонам дома. Вначале ехали по улице Глинки, которую недавно переименовали по распоряжению государя в честь русского композитора, потом по Благовещенской, выехали на набережную Невы. Шереметевский повернул голову и стал созерцать тёмные воды реки, мерно катящиеся между гранитных плит, сковавших берега. Потом свернули, чтобы взять с собою старшего врача полиции, который оказался в этот час дома.

Иван Васильевич, сутуловатый и довольно подвижный, уже ждал на улице прибытия экипажа. Сел на свободное место, вежливо поздоровался и, поправив очки, поинтересовался:

– И где ждёт нас в этот раз убиенный?

– В Шлиссельбургском участке, – за начальника ответил чиновник для поручений Виктор.

– Что с ним?

Василий Константинович пожал плечами и отвернулся.

Иван Васильевич хмыкнул, помотав головой.

Оставили позади здания стеклянного завода, проехали под Финляндским мостом.

Так и продолжали молчать до Шлиссельбургского участка.

Начальник, казалось, не имел желания прерывать затянувшуюся паузу, а подчинённые не стали приставать с расспросами.

У двухэтажного здания из потемневших от времени брёвен извозчик натянул вожжи, и лошадь замерла, помахивая хвостом.

– Приехали, – обернулся возница, сверкнув чёрным провалом на месте переднего зуба.

Леонид Алексеевич резво поднялся и соскочил на землю. Хорошо хоть дождей в последнее время не было, иначе сразу провалился бы в грязь. Впереди тёмной массой выделялись Рожковские провиантские склады, тянущиеся дальше по берегу Невы.

Левую сторону здания занимало присутствие. Над дверью висела вывеска, когда-то белая, а теперь ставшая серой, но буквы читались отчётливо – «Полицейский участок». «Шлиссельбургский» отсутствовало. Зная происходящие изменения во власти, можно было предположить, что менялось название не раз, поэтому, видимо, решено было написать просто и доходчиво всего два слова.

С нынешним приставом – ротмистром Барачем Шереметевский знаком не был, хотя с предшественником его приходилось встречаться не раз. Последняя встреча произошла перед самым переводом Семёна Семёновича Иванова в Вятскую губернию, где участковый пристав должен был занять должность исправника какого-то уезда. Леонид Алексеевич вспомнил тот сентябрьский день с морозящим мелким дождём и тяжёлыми свинцовыми тучами, едва не

задевавшими макушки деревьев. Тогда между слободой Фарфоровского завода и селом Михаила Архангела на отшибе Большой Шемиловской улицы под вечер нашли задушенную женщину, перед смертью варварски избитую. Опознали её до приезда сыскной полиции. Оказалась местной жительницей, матерью троих детей Варварой Петровой. Муж, щуплый, лет сорока, невзрачный, с пропитым лицом, ломал руки и лил, как показалось начальнику сыскной полиции, крокодиловы слёзы. Леонид Алексеевич опросил соседей и выяснил, что мужчина очень уж ревновал жену. И постоянно, с усердием, избивал Варвару, для того чтобы преподать урок – женщина должна быть мужниной собственностью и взгляд от полу поднимать не имеет права. Приятели, зная такую черту Василия, подливали масла в огонь, приписывая женщине множество молодых любовников. Вот в один ненастный день и случилось несчастье.

Муж отнекивался, размазывал слёзы и сопли по лицу – мол, он так любил убитую, что теперь жизни без неё не представляет. Но потом, припёртый к стенке сведениями, которые полицейские узнали в результате опроса соседей и приятелей, сознался в избиении и удушении жены.

Городовой, прогуливающийся у входа в полицейский участок, узнал прибывшего начальника сыскной полиции – в прошлом году стоял у тупа Варвары Петровой в охранении, чтобы любопытные обыватели не затоптали следы. Он тотчас подскочил и доложил, что господин пристав распорядились проводить прибывших к месту преступления.

– Веди уж, – вздохнул Шереметевский, – что столбом стал?

Идти не пришлось далеко. Могли бы доехать в экипаже, но если начальник идёт пешком, то и подчинённые послушно следуют за ним.

Между последними домами Смоляной улицы и Торфяным заводом простиралось поле, пока только начавшее покрываться зелёными всходами. На пересечении с Глухозёрской дорогой стояли люди. Именно там и находилось найденное тело, а кроме него – участковый пристав, любопытствующие и полицейские.

– Здравия желаю, ваше высочордие! – приложил руку к козырьку фуражки мужчина лет тридцати, с торчащими под носом прямыми усами.

Шереметевский протянул руку.

– Здравствуйте, – Леонид Алексеевич на мгновение запнулся, но тут же припомнил имя пристава. С ним он встречался и даже неоднократно, когда градоначальник собирал всех полицейских начальников города по разным поводам, – Николай Петрович.

– Я думал, вы меня не помните, Леонид Алексеевич.

– Не буду лукавить, не сразу вспомнил вашу фамилию, Николай Петрович.

– Но вспомнили же? – обрадовано улыбнулся пристав.

– Но, к сожалению, не сразу – и Шереметевский попытался, как не выучивший урока гимназист, оправдаться: – Вы же знаете, весь город за нами, сыскными, да и, если говорить честно, то и вся губерния. Дел не впроворот, вот и у вас... Ладно уж, не будем рассыпаться в комплиментах, мы с вами не дамы. Что тут у вас, дорогой мой, стряслось?

Тот же вопрос произнёс подошедший вслед за Леонидом Алексеевичем доктор Еремеев.

Участковый пристав сразу же помрачнел, будто с него сняли лёгкий налёт хорошего настроения.

– Убийство, – произнёс ротмистр.

– Это, батенька, я и без вас вижу, – пробурчал старший врач полиции.

Николай Петрович передёрнул плечами, хотел, видимо, начать с чего-то, но сбился и теперь только часто моргал ресницами.

Шереметевский подошёл ближе к краю натопанной дороги.

На дне канавы, шедшей по левую руку от дорожной насыпи, лежал ничком мертвец в чистой верхней рубахе. Из подштанников выглядывали жёлтые пятки, одна рука под телом, вторая вытянута вдоль.

4

После разговора с Репьёвым Яков Яковлевич Коцинг вновь направился на квартиру господина Петькина, не теряя надежды застать последнего дома.

Горничная смутилась и, покраснев до корней волос, отвела взгляд в сторону:

– Семён Иванович ещё не вернулся.

– Тогда я хотел бы поговорить с вашей хозяйкой.

Девушка быстро обернулась, но тут же взяла себя в руки, даже краска начала исчезать с лица.

– Елена Сергеевна не может вас принять.

– Доложите, что дело сугубо важное и очень спешное, иначе я бы не настаивал на аудиенции.

– Но...

– Как вас зовут? – перебил Коцинг, понявший, что хозяин вернулся (или его привезли) не в надлежащем виде.

– Лиза, – тихо промолвила горничная.

– Вот что, Лизонька, доложите Елене Сергеевне, что чиновник для поручений начальника сыскной полиции Яков Яковлевич Коцинг знает, что Семён Иванович сейчас дома, а то, что он, так сказать, не в кондиции, то я не его будущий начальник, и мне не до состояния господина Петькина.

Лиза всё-таки не ушла вновь докладывать хозяйке о том, что сыскной агент настаивает на встрече, а приняла у гостя шляпу и трость. И проводила его в гостиную, где Елена Сергеевна вскочила с кресла, не успев стереть со щеки предательскую слезу. Глаза у женщины покраснели, но она всё же произнесла грудным, довольно певучим голосом:

– Лиза, я же просила...

– Елена Сергеевна, – перебил хозяйку Коцинг, – это моя вина. Ваша горничная не виновата, я настоял, чтобы она провела меня к вам.

Хозяйка зло посмотрела на Лизу и махнула рукой – мол, можешь быть пока свободна.

– Я вас слушаю, – голос её звучал сухо и с некоторой тревогой.

– Мне нужно поговорить с Семёном Ивановичем.

Елена Сергеевна сощурила глаза и сквозь зубы процедила:

– Он сейчас не в состоянии с вами разговаривать.

– Я, Елена Сергеевна, простите за настойчивость, не прошу о встрече, а требую её. Дело не в моём желании, а в том, что мне необходимо дальше вести дознание. И кто знает, может быть, в эту минуту, когда мы с вами разговариваем, кто-то попадает в такую же историю, как и ваш муж.

– Я понимаю, но...

– Елена Сергеевна, – настойчиво повторил Яков Яковлевич.

Женщина смутилась, но тут же сказала:

– Подождите, – и скрылась в соседней комнате, прикрыв за собою дверь.

Хозяйка отсутствовала почти с четверть часа. Вернулась со злым выражением лица: губы вытянуты в тонкую ниточку, глаза сверкают, будто на картинах старых мастеров.

– Проходите, – процедила она сквозь зубы.

Оказалось, что дверь вела в кабинет Петькина.

Семён Иванович оперся о столешницу. Не шатался, а, может быть, попросту держался за стол, чтобы не упасть. Но Коцинг заметил, что взгляд у хозяина затуманенный и более всего напоминает взгляд побитой собаки. Видимо, жена нашла такие аргументы, что Петькин сразу же внял её словам.

– Здравствуйте, господин... э, полицейский. Простите, позабыл ваше имя-отчество, да и должность. Не обессудьте, – он помахал растопыренными пальцами свободной руки, – у меня память того.

– Чиновник для поручений Коцинг, – представился Яков Яковлевич. – Веду дознание по вашему делу.

– Да что вы говорите? – в голосе хозяина дома звучало удивление. – По моему делу? А что... – он запнулся, поднёс к губам ладонь и совсем тихо спросил: – А что, я уже нахожусь под следствием?

Вначале чиновник для поручений хотел ответить, но по выражению лица собеседника понял, что тот начинает куражиться.

– Семён Иванович, я вижу, что память всё-таки начала к вам возвращаться и вы уже припомнили, кто вы такой и какую должность занимали. И неужели вам не любопытно взглянуть в глаза вашим обидчикам?

– Прошу меня простить, Яков Яковлевич (Коцинг отметил, что к потерпевшему и в самом деле возвращается память. Но всё равно было видно, что Семён Иванович находится не совсем в тверёзом виде). Садитесь, пожалуйста, – хозяин кабинета указал на стул, а сам обошёл стол и опустился в большое кожаное кресло.

Чиновник для поручений не стал отказываться. Он привык, что во всех домах стулья скрипели, когда на них садишься. А здесь ничего даже не пискнуло, не донеслось ни единого звука.

– Благодарю.

Вслед за сыскным агентом опустился на свой стул и хозяин.

– Простите меня ещё раз за мальчишество. Я право устал от расспросов, а ещё больше – от того, что силюсь что-то вспомнить, но ничего не получается. Только начинает ломить в висках и затылке. Мне проще представать перед людьми и женой беспамятным, нежели... – и он махнул рукой.

– Вы начали что-то вспоминать? – с надеждой в голосе спросил Коцинг.

– Кое-что, да и то такими, как бы вам сказать, сценками, будто в театре. Стена, лицо, лошади... и, вы знаете, бутылка на столе. Я бы сказал – «бездонная». Из неё наливают по рюмкам, а меньше в ней не становится. Бр-р-р! – замотал головой Петькин. – Мистика!

– Семён Иванович, здесь нет никакой мистики и никакого секрета. Пока вас отвлекали, на столе появлялась новая бутылка. Вы попросту не замечали этого, а сейчас вспоминаете как какое-то чудо. Поверьте, наши преступники не научились из воздуха наполнять бутылку водкой. Вы мне лучше скажите: запомнили вы тех «кудесников»? Как они выглядели? Сколько их было?

Хозяин задумался, даже наморщил лоб от натуги, а потом взглянул на чиновника для поручений сияющим взглядом.

– А ведь вы правы, Яков Яковлевич. Вспомнил я их, вспомнил! – Семён Иванович вскочил с кресла и начал быстро ходить по кабинету, размахивая руками. И повторил, почти пропел натужным голосом: – Вспомнил я, вспомнил!

Снова сел в кресло, но уже в ином, радужном настроении. Коцингу показалось, что весь хмель вмиг улетучился из организма пострадавшего.

– Поехал я в тот день в ресторанцию «Вена», не в ту, что в городе, а в ту, что на Шлис-сельбургском. Вы можете задать резонный вопрос: зачем меня туда понесло? А я отвечу. Во-первых, там кухня приличная, да и напитки очень-таки ничего. Коньячок, ром... я подозреваю, хозяин контрабандой промышляет, но тс-с-с, – он приложил палец к губам, – я вам этого не говорил. Так вот, пусть это заведение и находится почти за городом, но там не встретишь никого из знакомых – ни своих, ни жены, никого, и можно даже, – он понизил голос, при этом

покосившись на дверь, – время с дамой провести, и никто ничего не спросит. – Ии опять приложил палец к губам. – Но об этом никому ни слова.

– Семён Иванович, я – могила. – Яков Яковлевич принял правила игры хозяина. Ведь главное – докопаться до истины, а с кем там ездит за город Петькин, с кем проводит время, пусть перед женой отсчитывается, если она, конечно, узнает. – Вы туда на извозчике прибыли?

Хозяин утвердительно кивнул.

– На извозчике.

– Вы его отпустили?

– Ну да. Там подле ресторации всегда есть другие.

– Вы приехали один?

Семён Иванович вновь покосился на дверь и скривился.

– С приятелями или в одиночестве?

– В одиночестве, – хозяин облегчённо вздохнул. – Настроение, да и самочувствие было неважное. Вот я и решил проветриться за городом.

– Вы сидели за столом тоже в одиночестве?

После некоторой заминки Петькин начал говорить медленнее, будто подбирал слова для ответов.

– Сперва один, а потом ко мне подсели господин с дамой.

– Вы можете описать господина?

– Не знаю, – нахмурился собеседник. – Но постараюсь. Росту высокого, наверное, повыше меня будет...

– А каков ваш рост?

– Семь с половиной вершков.

– Значит, восемь-девять у господина?

– Я думаю, да. Волосы чёрные, прямые, – Семён Иванович сощурил глаза, – короткая бородка, нос прямой такой, греческий. Излишне худощав. Одет в дорогой костюм – поверьте, в этом я разбираюсь. Да, меня поразили его пальцы, длинные, будто у скрипичного музыканта. На обеих руках по перстню. Вот их я не помню, но мне кажется, с зелёными камнями, будто братья-близнецы. Что ещё?..

– Он вам представился?

Хозяин опять нахмурился и сжал до белизны губы. Но потом вскинул брови.

– Николай Капитонович. Он сказал, что его зовут Николай Капитонович, и приехал он... приехал он... – Семён Иванович постукивал указательным пальцем по губам, – а приехал он, да, точно, из Ярославля за какими-то покупками.

– Стало быть, Николай Капитонович. Росту высокого, худощавый, пальцы на руках тонкие и длинные, черноволосый и с бородой. Так? – повторил Яков Яковлевич.

– Совершенно верно, – Петькин восседал в кресле, будто на троне, и было видно невооруженным взглядом, что любовался в эту минуту самим собой.

– Вы даму рассмотрели?

Лицо Семёна Ивановича покрылось густой алой краской, словно бы он чего-то устыдился.

– А как же, – ответил он с печальным вздохом.

– Стало быть, её запомнили тоже?

– Да.

Петькин замолчал.

– И?.. – спросил Коцинг.

Собеседник мечтательно посмотрел в окно. Кажется, он ничего не слышит, а пребывает в сей момент только в ему одному ведомых эмпиреях.

– Семён Иванович! – повысил голос чиновник для поручений.

– Простите. Что вы сказали?

– Вы запомнили, как выглядела дама?

– Да, – чмокнул губами Петькин. – Росту невысокого. Не знаю, но я так помню, что чуть выше плеча спутника. Молода, лет восемнадцати-двадцати. Мне так показалось, не знаю, возможно, и больше, но что не почудится человеку в том состоянии, в котором я тогда пребывал?

– Что ещё вы заметили? – о памяти Коцинг упоминать не стал. Вдруг и этого снова ударит обухом.

– Мила, – хозяин тяжело вздохнул, – чертовски мила. Но вот голоса её я не помню. Кудрявые волосы, кажется, русые. Губки такие... – покачал головой, – сладенькие, сахарные.

Яков Яковлевич с удивлением посмотрел на собеседника, но не решился ни о чём спросить. Однако сам хозяин развеял его сомнения.

– Мне так представилось.

– Что было дальше?

– Сидели, беседовали. Я, видимо, жаловался на жизнь. Дама смотрела на меня такими глазами, что я готов был всё бросить к её ногам.

– Но ведь это милое создание может быть причастным к вашим несчастьям последних месяцев?

Петькин смерил Коцинга презрительным взглядом.

– Господин полицейский, вам не понять!

– Но ведь они банально обчистили ваши карманы?

– Я же говорю, вам этого не понять. Вы – приземлённый человек, господин чиновник для поручений. Ради таких глаз не жалко всех денег империи! – И Петькин махнул рукой – мол, бесполезно что-то говорить чёрствому сыскному агенту, который разделяет людей на хороших и плохих, на потерпевших и преступников.

– Семён Иванович, – Яков Яковлевич нашёл в себе силы, чтобы улыбнуться, хотя в душе его пылал костёр из сухой берёзы, – пока вы предаётесь воспоминаниям, эта парочка подливает в рюмку очередного порядочного господина зелье, чтобы попросту ограбить его. Вот я, в отличие от вас, жажду встретиться с ними лицом к лицу, чтобы взглянуть в их глаза и понять, как они пали так низко, что посмели опоить и обобратить до нитки тридцать человек.

Чиновник для поручений намеренно превысил число пострадавших, чтобы сбить налёт романтизма с господина, который сейчас мечтательно возвёл очи к потолку.

– Сколько? – у собеседника уже читался вполне осмысленный взгляд, и брови поползли на лоб.

– Тридцать, – спокойным голосом повторил Коцинг.

– Тридцать? Но мне сказали в прошлый раз...

– Уже тридцать, – не стал более ничего дополнять чиновник для поручений.

– Тридцать? – Петькин, если бы стоял, то обессилено опустился бы в кресло, а сейчас, казалось, стал даже ростом меньше, и плечи вмиг обмякли. С надеждой он полувопросительно произнёс: – Скажите, что вы пошутили, Яков Яковлевич?

– Увы, мне не до шуток.

Семён Иванович помассировал пальцами виски и начал медленно говорить, выдавливая из себя по слову.

– Дама, как я сказал, лет восемнадцати-двадцати. Ну, это мне так показалось. Возможно, я так... Красивая, личико такое, как у немецких фарфоровых кукол, простите за тавтологию, но такое кукольное личико. Хочешь взгляд отвести – и не можешь, хочется вновь на неё посмотреть. Волосы... ну такие, вьющиеся. Что ещё?... Глаза – вот их я не припомню.

– На руках у неё кольца были, или приметная брошь на одежде, или кольцо? – последнее слово Яков Яковлевич произнёс по слогам и с французским прононсом.

– Кольца были, да и брошь, но какие, я не заметил. Больше на её лицо смотрел.

– Что было после того, как вы покинули ресторацию?
– Здесь я помочь вам ничем не могу. Далее передо мною стоит чёрная стена без единого просвета и трещинки.

5

– Здесь, на перекрёстке Смоляной и Глухозёрского шоссе, мало кто ездит или ходит. Хотя на моём участке двести пятьдесят домов, а в них больше десяти тысяч жителей, с десятков фабрик и, не поверите, почти сотня питейных заведений, – то ли жаловался, то ли искал оправдания пристав. – Так вот, сажать ещё рано на этих полях, погода не та. А дома, как видите, вон там, – ротмистр указал рукой в сторону здания участка, – и там, – уже в сторону царствующей над окружающими домами церкви Смоленской иконы Божией Матери. – Хорошо, что хоть сейчас труп обнаружили, не то с полмесяца, а может быть, и целый месяц никто бы тут не появился.

Шереметевский слушал молча, только поигрывал желваками на скулах. Так вот всегда – произойдёт кража у помощника министра или, не дай бог, у какого-нибудь великого князя, и вся полиция бегаёт по городу в поисках злоумышленника, покусившегося на имущество высокогородного господина. А когда находят обычного горожанина, то и дела до него нет. Только спросит градоначальник: что там с убийством этого, как его там? Пупкина-Тяпкина? И всё.

– И кто обнаружил тело? – перебил словоохотливого ротмистра Леонид Алексеевич.

– Дети, – прервал свою речь пристав. – Они же тут везде рыщут...

– А вы говорите «месяц», – снова перебил Николая Петровича начальник сыскной полиции.

– Но это, если бы...

– Николай Петрович, вы имени убитого пока не узнали? – Шереметевский чувствовал, что раздражён, но ничего с этим раздражением поделать не мог. До него дошли слухи, что сам градоначальник недоволен сыскной полицией, хотя открытые в производство дела завершались поимкой преступников. Но бывали неприятные моменты, когда не за что было ухватиться, и злодеяния оставались без должного внимания. На то были свои причины. Сыскная полиция – не маги и кудесники, чтобы по одному виду убиенного, ограбленного или обворованного сказать, кто же является злоумышленником.

– Леонид Алексеевич, я же сказал вам, что в Смоленской слободе более десяти тысяч жителей, а если точнее, то тринадцать тысяч четыреста двадцать восемь. Это только по карточкам, а ведь каждый день кто-то прибывает, кто-то убывает, да и питейные заведения посещают не только местные жители, но и со всего города едут...

Шереметевский скривился.

– Хорошо, хорошо, я вас понял.

Иван Васильевич сперва остановился у ног мертвеца. Посмотрел, наклоня голову то к правому плечу, то к левому. Обошёл вокруг.

– Крови не вижу, – тихо произнёс старший врач полиции, будто бы самому себе, но адресовал сие и начальнику сыскной полиции, и участковому приставу. – Видимо, только помылся в бане, – доктор поднял взгляд на Шереметевского, прищурив глаза, – и принял бедолага свою смерть.

После чего Еремеев опустился на корточки и провёл рукой по волосам трупа, освобождая шею от плена.

– Я так и думал, – покачал головой доктор и поправил на переносице очки. – Вашего незнакомца вначале, дорогой Леонид Алексеевич, задушили. Нет, не так. Ему дали одеться после парной, а уж потом накинули на шею удавку.

II

1

Яков Яковлевич покинул господина Петькина в крайне раздражённом настроении. Да, сведений получено немало, но смог ли Семён Иванович сейчас всё это вспомнить после стольких дней потери памяти – или выдавал свои домыслы за реальность? Уж больно много подробностей для человека, ещё несколько дней тому назад не имевшего возможности даже произвести адрес, по которому проживает.

Хотя, как гласит народная мудрость, и чёрт, и Всевышний любят над людьми пошутить, особенно, когда у обоих хорошее настроение. Вполне может быть такое чудо. Чтобы удостовериться в правдивости слов драгоценного свидетеля, стоит поехать в названную ресторацию, посмотреть на обстановочку, заодно расспросить официантов, прислугу, швейцаров о столь примечательной парочке – высоком господине и молодой девице. Если она такова, как описывает Семён Иванович, то непременно кто-то должен был обратить на неё внимание. Да и два одинаковых перстня на пальцах рук (видимо, либо на средних, либо на безымянных) тоже, между прочим, являются узнаваемыми приметамы – не все носят братьев-близнецов на разных руках. А кукольное личико дамы!..

Репьёв тоже говорил о парочке незнакомцев, и, между прочим, там тоже фигурировала особа женского пола. И здесь, и там Шлиссельбургский проспект. Возможно, наши злодеи промышляют в той части города. Однако в этом есть определённый риск. А вдруг господин, которого опоили, начнёт что-то вспоминать раньше, чем рассчитывали злоумышленники, и будет искать парочку по заведениям, расположенным вдоль проспекта? Хотя какое там «искать»! В тех краях питейных заведений без счёта, особенно в Смоленской и Фарфоровой слободах. Но, с другой стороны, то питейные для простого люда, у которого в кармане вошь на аркане, а более уважаемых – раз-два и обчёлся. Вот эти-то и надо проверять. Так решил для себя Яков Яковлевич и для начала направился в ресторацию, где «отдыхал» от трудов праведных, жены и полюбовницы господин Репьёв.

Ресторация господина Холенкова отличалась от окрестных зданий большими размерами. Деревянное строение в три этажа, с расположенными симметрично двумя входами: один для господ, купцов, чиновников, в общем, публики побогаче, второй – для простого люда, пришедшего поклониться и отмолить грехи земные в юдоли Всевышнего града Святого Петра.

Две половины существенно отличались предназначением. В чистой, кроме большого зала, где на столах лежали накрахмаленные скатерти и стояли уже приборы, были и отдельные кабинеты – там богатые паломники могли уединиться не только в собственной компании, чтобы замолить старые грехи, но и с дамой, чтобы сотворить новые. Здесь не стоял запах пережаренного лука, перемешанного с ароматом нагретой квашеной капусты, идущей в щи.

Яков Яковлевич сразу же направился в чистую половину, резонно предположив, что чиновник Репьёв не стал бы заходить в залу, предназначенную для простого люда. Тем более бедные паломники не потребляли водку, не стремились ввести себя во искушение, а дух – в противоречие с молитвами.

Стоящий у входа вышибала, завидев одетого в элегантный костюм господина, услужливо открыл дверь и улыбнулся. Видно, вышколены господином Холенковым.

Встретил Коцинга метрдотель во фраке, с той же улыбкой, что и у вышибалы, но глаза смотрели устало и в них явно читалось: «Как вы все надоели!». Мужчине было лет под пятьдесят, но выглядел он довольно молодо и браво. Профессорская борода клинышком, на голове

ни единого седого волоска, нос прямой, а вот уши его чиновник для поручений сразу не увидел: они были прижаты к отведённым природой местам так плотно, что казались отсутствующими напрочь.

– Добрый день! Изволите покушать, или... – это «или» было произнесено вроде бы невзначай, между делом, но говорило о многом. Интонация выдавала.

Яков Яковлевич снял шляпу и теперь держал её в руке, не отдавая, а небрежно опустив вниз и помахивая.

– Любезный, – чиновник для поручений сощурил глаза, – я не нуждаюсь в обеде, ибо пришёл с иной целью.

– Вы желаете отдельный кабинет и... – всё-таки метрдотель смерил взглядом Коцинга, после чего произнёс: – Пригасить даму?

– Пожалуй, да. – Яков Яковлевич понял, что если он сейчас достанет полицейскую карточку, то не получит ни одного ответа на возникшие у него вопросы.

Чиновник для поручений не успел и глазом моргнуть, как рядом оказался разбитной малый лет двадцати пяти с пробором посредине головы и напوماженными волосами.

– Ваня, проводи господина в десятый номер. – Уголки губ метрдотеля едва приподнялись в слегка презрительной улыбке: мол, знаем, что вам, господам, в паломничестве надо.

Перила лестницы оказались покрыты лаком, а ступени – красным ворсистым ковром, скрадывающим звуки шагов.

Официант открыл дверь, пропуская вперёд Якова Яковлевича.

Два стула стояли напротив друг друга, разделённые столом. Слева ширма делила помещение на две части: одна для отдохновения духовного, вторая – телесного. Из-за неё выглядывал угол кровати.

«Мы занимаемся преступниками, а здесь, рядом со святым местом, творятся непотребства», – мелькнуло в голове Коцинга, но он ничего не сказал, а только бросил шляпу и трость на стоявший у двери небольшой столик.

– Вот что, братец, будь любезен, позови метрдотеля, как там его?..

– Василий Кузьмич, – подсказал малый.

– Да-да, именно его, – сказал Коцинг, остановившись у окна, выходящего на лавру.

2

Шереметевский сощурил глаза, словно пребывал в задумчивости. Потом повернул голову в сторону чиновника для поручений Викторова, будто обращался к нему одному.

– Незнакомца задушили, когда он переоделся после бани, значит, парился с кем-то знакомым или знакомыми в отдельной бане. В общественных банях такое случиться не могло, хотя, возможно, парилась компания поздно ночью, когда все заведения закрыты. И для них открыли. Хотя тогда бы мы имели не один труп, а несколько. Среди них – банщика, он же мог стать невольным свидетелем. Василий Константинович, вы как мыслите?

Чиновник для поручений наморщил лоб.

– Леонид Алексеевич, здесь я с вами не соглашусь. Если компания пошла в баню на ночь глядя, то незнакомцы могли подхватить за руки убиенного и вынести его на улицу под видом сильно охмелевшего.

– Здесь вы правы, Василий Константинович. Но банщик всё равно бы вспомнил саму компанию незнакомцев и мог бы нам на них указать.

– Мог.

– Вот именно.

– Но...

– Василий Константинович, мы могли бы обнаружить баню в слободе? – И, обратившись к участковому приставу, спросил: – Николай Петрович, сколько в слободе бань?

– Двадцать девять, – мгновенно ответил ротмистр.

– Видите, Василий Константинович, двадцать девять. Мы их проверили бы за день и выяснили, кто любитель ночных парилен. А если там пропал банщик, то нам и карты в руки.

– Леонид Алексеевич, а если кто-то дома баню затопил? Господин Барач сказал, что здесь почти четверть тысячи домов. Эдак нам никогда баню не найти.

– Отчего же? – парировал Шереметевский. – Сегодня среда, а бани топят у нас либо по субботам, либо по воскресеньям. И узнать, кто из соседей топил в неурочный час баню, вполне по силам даже местным полицейским. Не так ли, Николай Петрович?

Участковый пристав нахмурился, провёл ладонью по лицу.

– Ваша правда. Я думаю, установили бы, и довольно быстро.

– Вот, – усмехнулся начальник сыскной полиции. – Вы, Николай Петрович, не посчитайте за труд проверить жителей, а вы уж, Василий Константинович, проверьте все бани. И выясните, кто у нас тут балуется полночным мытьём.

– Проверим, – без всякого энтузиазма сказал чиновник для поручений.

– А вы что скажете ещё, Иван Васильевич?

– Судя по ночной температуре и состоянию трупа, его лишили жизни между полуночью и тремя-четырьмя часами утра. Точнее пока сказать не могу. Убиенный довольно рослый, но, видимо, был слишком пьян, чтобы сопротивляться.

– То есть вы хотите сказать, что преступление могла совершить и женщина?

– Не исключаю такой возможности. Подождите до завтра, я вам о трупе поведаю всё, что он сам сможет мне рассказать.

– А не могли его задушить здесь?

– Хм... – доктор вытянул губы трубочкой. – Здесь, говорите?.. Нет, не думаю.

– Значит, в бане, – сказал Виктор.

– Почему в бане? Может быть, и дома, – наконец-то подал голос сыскной надзиратель Гурский.

– Может, и дома, – опять сощурил глаза Шереметевский. – Я вижу здесь следы от телеги – стало быть, его привезли сюда на ней.

– Скорее всего, – снова подал голос доктор.

– Если бы тащили на себе или по земле, то остались бы следы. Да и не было гарантии, что не заметят что-либо соседи, – сказал разговорившийся Роман Сергеевич.

– Вы правы, в этом есть определённый резон, – и Шереметевский повернул голову к участковому приставу. – Значит, вы, Николай Петрович, не можете его вспомнить?

– Леонид Алексеевич, в слободе больше тринадцати тысяч жителей. Я знаю постоянных нарушителей, а всех, простите, нет.

– Николай Петрович, вы можете выставить труп в участке, чтобы обыватели могли прийти и на него взглянуть? Может, кто и опознает.

– Хорошо, – тяжело вздохнул ротмистр, хотя по виду его было заметно, что и так не хватает места, а здесь ещё это не слишком приятное соседство, которое может затянуться на целую неделю.

3

Василий Кузьмич почувствовал недоброе, когда малый передал просьбу только что отведённого в десятый номер господина. Не понравилось ему что-то – и всё, даже объяснить себе не мог, что именно. Сработало какое-то звериное чутьё.

Коцинг в номере так и остался стоять у окна, заложив руки за спину.

Метрдотель взял с собою вышибалу, но оставил последнего за дверь. Вдруг господин окажется нервического склада – такие попадались в последнее время на каждом шагу. Годы пошли слишком беспокойные. Нехорошие годы.

Василий Кузьмич зыркнул на вышибалу и пригрозил ему кулаком: мол, слушай внимательно и, если что не так, то гостя за шиворот – и во двор. Можешь даже рёбра пересчитать, если понадобится.

– Звали? – метрдотель не знал, как обращаться ко вновь прибывшему господину, – тот, невзирая на возраст, мог быть и благородием, и высокородием, и даже превосходительством. Хотя, судя по костюму, в превосходительства не вышел, это уж точно. Те приходят в костюмах, сшитых на заказ хорошими портными, стежок к стежку, да и ладно сидят пиджаки, а у этого явно не такой.

– Ты, любезный, дверь закрой и человечка своего, что там, в коридоре, стоит, отошли прочь.

Василия Кузьмича передёрнуло – он понял, что перед ним полицейский, да не простой с улицы, а полёта выше будет.

Выглянул в коридор.

– Ступай. Когда понадобится, позову, – и закрыл плотно дверь. Страх перед полицейским чином не было – хозяин всегда решал все вопросы сам. Так что можно и поговорить с полицейским не в ущерб ни себе, ни господину Холенкову. Посмотрел на Коцинга не затравленным взглядом, а скорее смешливым, будто зная, что скрывать нечего. Поинтересовался снисходительно: – Вы – новый чиновник в нашем участке?

– Увы, Василий Кузьмич, увы, увы и увы, – обернулся к собеседнику Яков Яковлевич, – к вашему участку отношения не имею.

Метрдотель смотрел с нескрываемым интересом, но ничего пока не говорил – явно ждал, когда начнёт незнакомец.

– Чиновник для поручений при сыскной полиции Коцинг Яков Яковлевич.

На лице Василия Кузьмича не дрогнул ни один мускул. Волнения никакого, будто каждый день он ведёт беседы с сотрудниками сыскного отделения столицы.

– Что вам угодно, милостивый государь? – тон стал холодным, чуть ли не чиновничьим.

– Василий Кузьмич, давай присядем и потолкуем.

– Простите, но у каждого из нас своя служба, поэтому позвольте отклонить ваше предложение, ибо, – он на миг остановил свою речь и даже позволил себе снисходительно улыбнуться, – меня наши гости ждут.

– Василий Кузьмич, ты, наверное, не понял, что я из сыскной полиции.

– Ваше... – всё-таки не решил, как именовать гостя, – милостивый государь, у нас бывают гости из всяких департаментов и даже министерств, так что это вы, господин Коцинг, не совсем поняли, куда попали.

Яков Яковлевич понял, что кавалерийским наскоком и размахиванием шашкой метрдотеля не пронять. Прожжённый господин, да и за ним стоит не простой купец энной гильдии, а вполне конкретный Иван Георгиевич Холенков, уроженец Тверской губернии, где у него несколько заводов, пароходная компания и прочая, прочая, прочая.

– Не с тех слов мы с тобой, Василий Кузьмич, начали разговор, – пошёл на уступку Яков Яковлевич.

Собеседник скривил губы в подобие презрительной улыбки.

Коцинг начал закипать, но виду не подавал. В ресторацию он пришёл за сведениями, а не за боданием, у кого лоб крепче.

– Василий Кузьмич, наверное, Ивану Георгиевичу не понравится, если вслед за рекламой этого заведения в адресной книге столицы или в газетах появится не одна, а несколько статей о том, что в этом самом ресторане опаивают посетителей. С лёгкой руки, так сказать, или,

лучше будет звучать, с ведома нынешнего директората и грабят после опаивания господ – с надеждой, что большие господа никуда жаловаться не побегут во избежание огласки. А кроме того, данное заведение представляет из себя обычный публичный дом, расположенный в двух шагах от лавры. Как ты думаешь, понравится хозяину такая реклама?

– Засудит, – скривился метрдотель.

– А если сии сведения появятся с ведома министра внутренних дел, или на докладе у государя прозвучат сведения о гнезде порока у самого святого места Петербурга?

У Василия Кузьмича не дрогнул ни один мускул на лице, только взгляд сделался жёстче. Он представил гнев хозяина, и его вопрос: «Почему сразу не доложили?». Хотя что тут докладывать, если и кабинеты устроены, и девочки состоят при них без ведома господина Холенкова. У метрдотеля дёрнулся кадык. До хозяина скандал дойти не должен, решил он сразу, подсчитывая в голове, какую сумму может предложить полицейскому чиновнику за молчание.

– Что вы хотите? – Метрдотель всё-таки прислушался к словам чиновника для поручений и сел на второй стул.

Коцинг сидел, положив локти на столешницу.

– Василий Кузьмич, я не хочу доставлять тебе неприятности. Работай, как работаешь. Не моё дело читать тебе мораль, пусть делает это при случае твой хозяин. Мне нужны лишь некоторые сведения...

Лицо собеседника побагровело. Ему на днях рассказывали, что сыскное отделение до того обнаглело, что во всех заведениях города стремится иметь добровольных соглядатаев. Вот, видимо, наступил и его час.

– Я...

– Василий Кузьмич, давай с тобой побеседуем и разойдёмся в разные стороны: я – ловить преступников, а ты – принимать гостей.

У метрдотеля снова дёрнулся кадык.

– Василий Кузьмич, ты, видать, тёртый калач и не раз сталкивался с бандитами и разбойниками...

– Бывало.

– Так вот, помоги нам.

У собеседника поползли брови вверх.

– Чем это? – у метрдотеля вмиг осип голос.

– Ты, наверное, уже слышал, что после посещения питейных заведений некоторые господа теряли память...

– Что-то мне говорили, но, по чести, я считал это обычными байками. Мало ли по городу слухов бегают.

– Нет, Василий Кузьмич, не байки это, а истинная правда.

– Не понимаю, чем я могу помочь. У нас всё вроде бы мирно, чинно... Гости довольны, иные по несколько раз возвращаются.

– Не сомневаюсь, что возвращаются и хорошо проводят время. Но, видишь ли, некоторые из гостей, которые проводили время в твоём заведении (Василий Кузьмич нахмурился, словно в нехорошем предчувствии), впадали в беспамятство, у них память будто корова языком слизала.

– Мы-то тут при чём?

– Дело в том, что твои официанты должны напрячь память и припомнить, бывал ли тут высокий, худой господин с элегантной дамой небольшого роста, ему по плечо или чуть выше, с кукольным красивым личиком. И желательно вспомнить, сколько раз, когда и в какое время.

– Прошу меня извинить, Яков Яковлевич (у Ко-цинга потеплело на сердце – если уж Василий Кузьмич запомнил имя-отчество, хотя старался всем своим видом показать, что гос-

подин из сыскной полиции ему неинтересен, – то дело пойдёт. Метрдотель боится всё-таки потерять тёплое, сытное место). Но у нас бывает очень много посетителей, и навряд ли...

– Василий Кузьмич, у официантов глаз намётан, они тебе чёрта лысого припомнят, если он десять лет тому назад серу на столе жёг.

– Но...

– Василий Кузьмич, давай с тобой условимся. Я не суюсь с расспросами к официантам, а ты уж сам, будь любезен, узнай у них, когда бывала эта парочка в ресторации. Это в наших общих, так сказать, интересах. Вот сейчас байки пока не разлетелись повсюду. А ежели кто пронюхает, то пойдут гулять по городу слухи – дескать, здесь, у лавры, разбойничье гнездо, и мало того, что опаивают зельем, грабят, так и убивают, пускают, допустим, на пирожки. Тогда беды не оберёшься.

– Яков Яковлевич, что вы на наше заведение напраслину возводите? Да, потакаем мы некоторым гостям. Все мы люди, и хочется не только духовной пищи, но и телесной. Вот и...

Чиновник для поручений скривился.

– Василий Кузьмич, так я завтра к тебе заеду. Управисься?

Метрдотель не успел ничего ответить, как господин Коцинг со шляпой в одной руке и тростью в другой будто растаял в воздухе.

4

На Офицерской улице, где в здании Казанской части располагалась сыскная полиция, Шереметевского ждала папка с официальными бумагами, циркулярами и запросами из полицейских управлений других городов и губерний. Леонид Алексеевич и сам был не рад, что получил повышение по службе. Единственное, что приносило удовлетворение, – это должностное содержание, хотя его тоже не хватало, но всё-таки оно было большим, чем на его предыдущей должности.

Он взялся читать первую бумагу, но не мог уловить смысла даже после повторного прочтения. Мысли возвращались к убиенному, найденному в Смоленской слободе. При беглом осмотре на теле не удалось обнаружить ни единой ссадины, синяков или иных следов, свидетельствующих, что незнакомец боролся за свою жизнь. Просто накинута на шею удавку и затянули. Обычно в таких случаях поломаны ногти. Человек хватается за верёвку, пытается засунуть под неё пальцы, – а здесь будто душили спящего. Вот именно, что спящего... А может, пьяного? Придётся подождать... Шереметевский улыбнулся – а ведь и правда! Как же не пришла такая мысль на месте? Но личность не установлена, хотя когда доктор произведёт осмотр, он-то наверняка все приметы занесёт в акт. Может быть, они натолкнут на новые идеи.

После каждой отложенной в сторону бумаги всё сильнее становилось желание вернуться на место преступления и новым взглядом осмотреть не только труп, но и пространство вокруг. Хотя дома там расположены не слишком близко, но люди могли видеть телегу, экипаж или пролётку – всё, что угодно, на колёсах, могли обратить внимание. А чем был занят городской, нёсший ночную службу у здания участка? Видимо, как всегда, почивал и ничего не видел. Об этом стоит поинтересоваться у Николая Петровича. Чем заняты по ночам его подчинённые? Неужели ничего не видели? Там рядом нет питейных заведений, да они и должны закрываться за час до полуночи. Или там особые законы?..

Василий Константинович остался в селе Смоленском, чтобы проверить любителей ночной парной. Работавших в ночь бань не оказалось, это подтвердили и люди, жившие по соседству. Мол, ни суеты, ни горящих ламп, ни дыма над крышами не было. Вызвал подозрения только один банщик. Глазки у него забегали, будто у нашкодившего домашнего кота. Чиновник для поручений взял его на заметку, но пока ничего не стал выпытывать. Направил сыск-

ного надзирателя опросить соседей и собрать больше сведений о разволновавшемся властителе дров, пара и берёзовых веников.

Оказалось, что хозяин бани выделил каморку при заведении, чтобы работник был всегда на месте.

Здание располагалось на берегу Невы с мостками и отгороженным местом, чтобы распаренные люди могли себя остудить в холодных водах реки.

– Платошка? – один из соседей почесал затылок. – Да прохвост он, самый натуральный прохвост! – И более ничего не стал добавлять.

А одна старуха, шамкая беззубым ртом, тихо побурчала:

– Он, эт самое, промышляет перегонкой. Днём брагу ставит, а ночью... Когда питейные заведения закрываются... Пристав-то наш всех туточки поприжал. Так вот, этот аспид...

– Кто? Пристав?

– Да Платошка, будь он неладен! Этот вот, – она нахмурила лоб и тут же улыбнулась, вспомнив нужное слово, – без акцизу зельем торгует. А ночами гонит отраву эту.

Василий Константинович не сразу сообразил, что банщик торгует изготовляемым тут же в заведении спиртным, за которым, видимо, приходят местные обыватели, не утолившие вечером жажду. Питейные заведения, согласно закону, ночью закрыты, а продолжить веселье хочется. Вот поэтому-то глазки у банщика и забегали.

Викторов призадумался, стоит ли сразу взять в оборот любителя безакцизной торговли или приставить к нему одного из сыскных агентов, чтобы посмотреть, как тот будет себя вести. Наверняка уже знает о найденном неподалёку трупе. А вдруг... Василий Константинович мечтательно посмотрел куда-то вверх. Хотя банщик, возможно, всего-навсего боится за свой товар и незаконную торговлю, вот и ведёт себя нервически. Хорошо зная Леонида Алексеевича, Викторов распорядился на свой страх и риск, чтобы вслед за первым экипажем отъехал и второй, в котором сидели три сыскных агента. Если это убийство, то дело серьёзное и надо по горячему следу произвести дознание, пока свидетели, если таковые имеются, не погребли под слоями памяти вчерашний вечер и сегодняшнее утро. Так работает память – если сразу не вытащить нужное воспоминание, то потом можно погрязнуть в омуте невольных вымыслов.

Чтобы не тратить силы, Викторов разослал агентов по банным заведениям, и вот теперь, выслушав доклады, глубокомысленно наморщил лоб.

– Значит, ночью в остальных банях стояла тишь...

– И дыму не было, – пробасил Еремей Кондратьев, ранее служивший в одном из участков, прилегающих к Лиговскому проспекту.

– Соседи опрошены?

– Так точно, опрошены. Говорят, обычно по субботам, перед неприсутственным днём, почти до утра в банях людно. Отмывается народец в конце недели.

– Стало быть, парился наш убиенный либо дома, либо у приятелей. Там же был и задушен, – произнёс Василий Константинович скорее для себя, нежели для сыскных агентов. – Хотя, – он сделал паузу, – есть здесь примечательный человек по имени Платон, служит в банях Сидорова. Там же, при банях, и проживает. Так вот, мне надо, – он посмотрел на Кондратьева, – чтобы ты, Еремей, все соседние дома обошёл, соседей расспросил. Я с некоторыми побеседовал, но ты дело знаешь. Копай, но чтобы о нём узнал всё. Понял?

– Так точно, – улыбнулся сыскной агент.

– Ну, тогда чего стоишь? Давай вперёд.

Потом Викторов задумался. Проверять частные бани, конечно, нужно, но, видимо, только после того, как тело выставят в участке для опознания. Тогда можно и всё вокруг дома убиенного проверить. А если никто не опознает?... Думать дальше не хотелось. Труп так и останется неопознанным. Значит, преступника найти не удастся, если... Если не объявится какой-

нибудь свидетель. А где ж его искать среди тринадцати тысяч обывателей, настроенных не совсем доброжелательно и живущих по принципу «моя хата с краю»?

– Сегодня пристав объявит жителям, чтобы по случаю приходили в участок для опознания незнакомца, Вот вам, – Василий Константинович ткнул пальцем сперва в одного сыскаго агента, потом в другого, – дорогие мои, следить в оба глаза и подмечать странности в поведении местного народа. Понятно?

– Чего не понять, – ответил Варлаам Сидоркин, малый тридцати одного года с ранней сединой на висках. Бороды он не носил, а брился почти ежедневно, не хотел светить серебристою щетиною. Вроде бы ещё не стар, а уже награждён ранним белым волосом. – Если подметим кого, то задерживать, или?..

– Или, – нахмурился Виктор. Он и сам не знал, как лучше – задержать или проследить. – Надо будет поинтересоваться именем и фамилией этого странного субъекта, ну или бабы, но тайно.

– Как же... – начал Варлаам, но под пристальным взглядом Василия Константиновича стушевался.

– Тело будет выставлено в полицейском участке, а значит, рядом будут служащие. Теперь понятно?

– Так точно. Когда приступать?

– Варлаам, – теперь Викторов повысил голос, – подойди к приставу или надзирателю и у них уточни, когда они изволят выставить тело для обозрения.

– Понял.

5

Яков Яковлевич решил проехаться в село Александровское не в экипаже, а по железной дороге, благо, что ресторан «Вена» находился в двух шагах от станции, названной в честь села. Тем более что особых сведений от работников заведения Коцинг получить не ожидал. Наверное, больше от настроения. Отчего-то разболелась нога, что не вносило в мысли свежих идей. Хотелось плюнуть на дознание и заняться лечением. Найти среди почти миллионного города двух преступников, появляющихся в разных частях столицы, не представлялось возможным.

Ресторан носил громкое название «Вена», но не слишком оправдывал имя столицы большой империи. Всего лишь одноэтажное строение (правда, построенное не из обычных брёвен, а из красного кирпича) с аляповатыми узорами вокруг окон и дверей. Самым примечательным оказался навес – высокий, почти под крышу, и громадный по площади. Под ним мог поместиться экипаж – чтобы прибывшие в заведение гости не мокли под дождём, а сразу же могли проследовать в залу.

С двух сторон от навеса висели вывески: слева – чёрными латинскими буквами «Ресторан», справа – красными большими буквами «Вена».

Здесь, как и у заведения Холенкова у Лавры, стоял то ли вышибала, то ли блюститель порядка, но уже не в отутюженном пиджаке, а в пыльной ливрее, которую давно пора было бы сменить.

– Любезный... – Яков Яковлевич ступил под навес. Мужчина смерил хмурым взглядом подошедшего незнакомца и почему-то насупился, будто борец в цирке перед демонстрацией своего мастерства. – А где мне Александра Ивановича найти?

Мужчина снова смерил Коцинга взглядом прищуренных глаз, от которого у чиновника для поручений зашевелились волосы на затылке.

– Вам для какой надобности хозяин сдался? – Голос охранника звучал глухо и очень уж недружелюбно.

– Для казённой, братец, для казённой. Так он здесь?

– Нету хозяина, господин Блатов тут не бывает.

– Как не бывает? – Яков Яковлевич вздёрнул бровями, будто в недоумении. – Он же мне сегодня здесь встречу назначил!

Вышибала явно находился в непонимании. Господин Блатов, хозяин ресторана «Вена», всегда предупреждал служащих, что его нет на месте. А если кто будет настойчиво добиваться встречи, то незаметно доложить, чтобы Александр Иванович мог хорошенько рассмотреть незнакомца, прежде чем приглашать на беседу. Сейчас под рукой никого не оказалось, и мужчина пребывал в растерянном состоянии. Чтобы доложить хозяину, надо отлучиться, а если он отлучится, то, не дай бог, незнакомец пойдёт вслед за ним. И, как назло, ни одного мальчишки на улице.

Яков Яковлевич догадался, о чём так напряженно размышляет сейчас этот увалень.

– Ладно, любезный, иди и доложи хозяину, что чиновник для поручений сыскной полиции Коцинг прибыл для прояснения некоторых вопросов.

Мужчина несколько раз порывался отойти, но не смел.

– Иди, – подтолкнул его тростью Яков Яковлевич, – и побыстрее, – сказал тихо, но таким начальственным тоном, что даже у этого здоровяка по спине пробежали морозные мурашки.

– Сей момент, ваше сиятельство! – И он скрылся за дверью заведения.

Чиновник для поручений хмыкнул, не понимая столь резкой перемены в поведении громалы.

Через минуту на улицу выскочил юркий господин восточной наружности. Невысокого роста, черноволосый, с острым длинным носом и тонкой полоской усов над верхней губой.

– Здравствуйтесь, господин... э-э...

– Коцинг Яков Яковлевич, – сыскной агент наклонил голову. – Прибыл по распоряжению, – и ткнул тростью куда-то в небо. – Надеюсь, мне нет нужды называть имён?

– Не стоит, – юркий мужчина будто состоял из мягких пружин: то извивался ужом, то пытался заглянуть в глаза.

– Александр Иванович, – начальствующие нотки в голосе Коцинга сделались более жёсткими, – хотелось бы с вами поговорить, но без посторонних ушей.

– Да-да, как скажете, можем пройти в мой кабинет. Там нам никто не помешает.

– Н-да, кабинет, значит... – Яков Яковлевич осмотрелся. – Сидеть в душном помещении в такой день... – начал он, но умолк. – Я вижу, вы содержите сад?

– Так точно.

– Вот туда мы и пройдем, тем более что там замечательная беседка.

Чиновник для поручений небрежным жестом достал из кармана белоснежный носовой платок, только сегодня вынутый из ящика комода. И продолжил играть гостя из высоких инстанций, сам не понимая, почему господин Блатов так к нему расположен. Мысли о том, что хозяин ресторана его знает, он не допускал. Всего лишь чиновник для поручений. Не глава департамента или из министерских, а обычный сыскной агент. Яков Яковлевич вытер платком скамейку и небрежным жестом бросил кусок белого материала себе под ноги.

Блатов молчал, видимо, ожидая объяснений, с чем к нему пожаловал незнакомец. Александру Ивановичу донесли, что на днях должен прибыть с юга некий господин, которому настоятельно рекомендовали оказывать всяческое содействие в исполнении его просьб.

– Александр Иванович, как я вижу, вы бдительно следите за гостями, которые вас посещают.

Хозяин хотел было отшутиться, но опять напоролся на взгляд посетителя.

– Что скрывать? Мне не нравятся, простите, неожиданности, – и улыбнулся.

– Значит, вы, – Коцинг подбирал слово, пока не нашёл, – держите руку на пульсе.

Блатов потупился.

– А вы знаете, Александр Иванович, что ваш ресторан облюбовали некоторые господа, которые могут вам принести очень большие неприятности.

На лице хозяина появилось недоумённое выражение.

– Значит, не знали?

– У меня много господ бывает, особенно тех, кому не нужна огласка, и...

– Это мне известно, но я прибыл к вам с иной целью. – Коцинг постучал кончиком трости об пол беседки. – Вы знаете, с какой? – Яков Яковлевич уже не сомневался, что его, как гоголевского Хлестакова, хозяин принял за иного человека.

– Я... не совсем, но я готов содействовать вам во всех вопросах.

– Сейчас меня интересует, не заметили ли ваши официанты некую парочку – господина средних лет, высокого, худощавого с небольшой бородкой, и даму ростом ему по плечо, кукольной внешности, – Коцинг повторил слова одного из пострадавших, – знаете, как у немецких фарфоровых кукол. Вот они представляют очень большую угрозу, – произнёс он с нажимом, – вашему заведению.

6

Сыскной надзиратель Гурский, не попавший под горячую руку раздачи заданий, решил сам осмотреть Глухозёрское шоссе, по которому могли привезти убиенного в поля. Судя по тому, что труп сбросили в вырытую вдоль дороги канаву, преступники не слишком усердствовали с поиском места. Мог сюда явиться один убийца, а мог и не в одиночестве. Посмотрели по сторонам и скинули бездыханное тело.

С такого расстояния не различить даже домов, не то что телегу, а тем более – людей.

Пока шёл, всё размышлял. Чужие люди не могли привезти сюда тело из Фарфоровской слободы или со стороны Обводного канала... Но Гурский тут же себя оборвал. Какой «Обводный»? Там свидетелей в разы больше, чем здесь. Там и паломники, и обыватели, и полицейские. Нет, только со стороны Фарфоровской или... всё-таки Смоленской слободы? Здесь наверняка местные знают, как и когда избавиться от мертвеца.

У Романа Сергеевича даже задёргался глаз от предчувствия какого-то сыскного открытия, но дальше мысли не пошли – будто лошади, остановились на полном скаку. Надо доложить либо Викторову, либо самому начальнику сыскного отделения о сделанных предположениях, хотя Шереметевский, наверное, и сам об этом думал...

Василий Константинович находился в части, когда туда вернулся Гурский. Виктор уже собирался уходить. Агенты озадачены, пристав занят подготовкой опознания убиенного. Вроде бы больше здесь делать нечего, тем более что доктор обещал прислать акт вскрытия только завтра. Чиновник для поручений не особенно надеялся узнать что-то новое. Доктор высказал предположение, что незнакомец задушен между полночью и пятью часами утра, верёвка накинута на пьяного или опоенного сонным зельем. Что ещё можно узнать? Да ничего, пока не станет известно имя убитого – тогда хотя бы можно будет от чего-то оттолкнуться.

Викторов взглянул на сыскного надзирателя Гурского. Поговаривали, что к нему благоволят нынешний начальник. Недаром же брал его с собою в командировки, когда надо было проводить дознания по распоряжению Департамента полиции.

– Ну, что ты выискал? – Это прозвучало довольно грубо, но Роман Сергеевич не обратил внимания на холодность чиновника для поручений.

– Василий Константинович, прошёлся я по дороге, по которой привезли в поле труп...

– Ну, и?... – бесцеремонно перебил Виктор, но получилось, будто он выказывает нетерпение.

– И у меня складывается впечатление, что не могли привезти труп издалека. Слишком уж опасно для убийцы или убийц...

– Ты не сомневаешься, что их было несколько? Почему ты так думаешь? – Василию Константиновичу хотелось поставить этого начальского протеже на место, но он сдержался. Если начальник выказывает такое благоволение сыскному надзирателю, то последний может и пожаловаться.

– Скорее всего, – передёрнул плечами Гурский. – Одному слишком тяжело и погрузить, и выбросить из телеги...

– Но всё-таки – мог бы проделать это всё один?

– Конечно, мог. Мы вот решили, – он сказал «мы», чтобы не обидеть чиновника для поручений, – что незнакомец парился в бане. А если он просто помылся и надел чистое бельё, не дожидаясь субботы и имея другой резон? Может быть, он беглый или дезертир?

Викторов хотел отмахнуться от доводов Романа Сергеевича, но сдержался. В словах Гурского присутствовал некоторый, как тот выразился, резон.

– То есть получается, что убиенный проживал в Смоленской слободе...

– Или приехал туда кого-то навестить, – договорил Гурский. – Поэтому убийца и не опасается, что кто-то сможет незнакомца опознать.

– Резон в твоих словах есть, – Викторов сощурил глаза и смотрел куда-то вдаль. – Особенно, – он позволил себе усмехнуться, – если убитый – беглый или дезертир, тогда точно мы никогда его фамилии не узнаем.

Роман Сергеевич на миг задумался.

– И то верно.

– Но мне кажется, ты прав в одном – труп привезли в поля из Смоленской слободы. Отсюда и надо начинать поиски.

7

– Здесь у нас достаточно бывает господ с дамами. Разве всех запомнишь?

Яков Яковлевич не слишком дружелюбным взглядом смерил хозяина ресторана.

– Александр Иванович, я был о вас лучшего мнения. Знающий, имеющий взгляд художника, способный запомнить увиденного единожды господина или даму в своём заведении.

– Это так, но... – Блатов пожал плечами. – Я ведь тоже человек, и не сижу в заведении сутками напролёт, а отъезжаю по делам иной раз.

– Хорошо. Значит, вы не видели описанных мною людей?

– Даму с кукольным лицом и высокого господина?

– Именно.

– Простите, – Александр Иванович поморщился, – но вкусы у нас разные. Для кого-то обычная кокотка из заведения мадам Буиссон кажется куколкой, а кому-то...

– Господин Блатов, я не спорю о вкусах, но если вы не знаете свою публику, то её должны знать ваши официанты – ведь это они подсаживали к одиноким господам эту парочку.

– Что вы говорите?

– Я ещё не начинал. Так вам встречались эти люди, Александр Иванович? Из-за них у вас могут быть большие неприятности. – Коцинг поднялся.

Блатов вскочил вслед за ним.

– Простите, я не ожидал, что... Месяца два-три тому к нам несколько раз заходили высокий господин и, как вы сказали, дама с лицом немецкой фарфоровой куклы. Они действительно просили официантов, чтобы те определили их за стол одиноких, богато одетых мужчин. Но после того официанты почуяли что-то неладное, и я отказал от заведения этой парочки.

– Стало быть, вы с ними даже разговаривали?

Блатов покраснел, будто варёный рак.

– Да, мне пришлось с ними побеседовать.

– Только из подозрений?

Хозяин ресторана скривился, словно обжётся по неосторожности.

– Отнюдь. У меня служит официантом Иван Тимофеев из Псковской губернии. Расторопный малый, лет тридцати. – Александр Иванович взглянул на Коцинга и сразу же поспешил продолжить рассказ. – Он мне поведал, что этот длинный никакой не барин, а обычный босяк, не имеющий за душой лишней копейки...

– Но откуда тогда весь лоск? – не удержавшись, перебил Яков Яковлевич.

– Я сразу почуял какой-то нехороший душок, – Блатов вновь скривился, – поэтому постарался сразу же проверить этого господина. Направил за ним одного своего человечка, который мне потом доложил, что парочка, обчистив карманы господина, с коим провела вечер, отправила бедолагу домой на извозчике.

– И вы никому ничего не сказали?

– Зачем? Господин остался жив и здоров, правда, без денег, золотых цепей и перстней.

– Вы так спокойно об этом говорите!

Александр Иванович пожал плечами.

– Господин-то и впрямь не пострадал.

– Не пострадал. – Но тут же Коцинг ухватился за некую мысль. – А ваш человечек проследил за парочкой до их дома?

– Увы, – с сожалением произнёс Блатов, – то ли моего оболтуса заметили, то ли парочка слишком ушлая. Они будто испарились около Апраксина двора.

– Потом они появлялись у вас?

– Увы, нет. Наверное, почувствовали мой интерес к ним, поэтому перестали бывать в моей ресторации.

– Понятно, – разочарованно произнёс теперь уже Яков Яковлевич. – Но, надеюсь, официант Иван Тимофеев продолжает служить у вас? Он здесь?

– Конечно, здесь. Где ж ему быть! Толковыми работниками я разбрасываться не привык.

– Александр Иванович, не считите за труд привести сюда Тимофеева. Уж очень эта парочка мне нужна. – И Коцинг добавил совсем тихо: – Даже не представляете, до какой степени.

Блатов сразу не сообразил, почему подчиняется этому господину. Да, должен был приехать один человечек, с которым нужно решить вопрос по «беспошлинной» доставке из Швеции некоторых товаров. А здесь какая-то парочка! При чём здесь она? Уже потом, когда отослал Тимофеева в беседку, начал здраво размышлять. А ведь Ивану сказал, чтобы оказывал всяческое содействие прибывшему незнакомцу.

Иван Тимофеев более походил на артиста Александринского театра, чем на официанта: смазливой, скорее слащавой наружности, с голубыми глазами и появляющимися при улыбке ямочками на щеках. Он подошёл до того неслышно, что Яков Яковлевич не сразу его заметил. А когда заметил, вздрогнул от неожиданности, но сразу же взял себя в руки. Окинул прибывшего взглядом с головы до ног и обратно, улыбнулся правой половиной лица.

– Стало быть, ты и есть Иван Тимофеев из Псковской губернии?

Малый промолчал, только улыбнулся, отчего лицо его показалось открытым и совсем детским.

– Ну и как тебе, Ваня, служится?

Тимофеев не выказал удивления такому вопросу.

– Хорошо-с, – и чуть ли не затанцевал на цыпочках.

– Ты не суетись. – Яков Яковлевич опять смерил его взглядом, но на сей раз тяжёлым и с недобрый прищуром. – Садись.

– Я-с...

– Садись, – голос Коцинга прозвучал тихо, но повелительно.

Тимофеев сел на край скамейки.

– Вот что, Ваня. Тебе Александр Иванович сказал, кто я такой?

– Нет-с.

– Так вот, – Коцинг погрозил ему пальцем, – тебе и не следует знать. Сказал тебе он, что ты должен отвечать, как на духу?

– Так точно-с.

– Вот теперь, Ваня, и говори как на духу. Некоторое время тому здесь появился твой приятель...

Тимофеев встрепенулся, даже хотел вскочить, но чиновник для поручений взглядом будто прибил собеседника большим гвоздём к скамейке. Официант только заёрзал, но всё-таки нашёл силы спросить:

– Какой приятель?

– Тот, что с дамой тут был.

– Васька?

– Да, Васька.

– Какой же он мне приятель? – теперь из речи Тимофеева исчезло ненавистное Коцингу «–с». – В одной деревне проживали, и всё. Иной раз кулаками махались, а чтобы дружить... до этого дело не дошло.

– Вот, – указательный палец Коцинга почти впился в официанта, – если не приятель, то тебе и скрывать о нём нечего. Кто он, ну и так далее. Давай, говори, я тебя слушаю.

– Васька Тимофеев...

У чиновника для поручений поползли вверх брови, и в глазах появился новый вопрос, но Иван его опередил.

– У нас в деревне все Тимофеевы, только левая половина – потомки Фёдора, а правая – Флора. Но это давно было, они тогда чуть ли друг друга не поубивали. Вот с тех пор между половинами дружбы нет. Нас они федоряками называют, мы их – флоряками. Из обеих половин никогда богатеи не было, а тут приходит Васька в обновках, будто барин какой, и краля с ним. Ей-богу, глаз не отвести. Красивая. Я тогда и сообразил, что дело тут нечисто, тем более я бы услышал от земляков, что кто-то из флоряков в баре выбился.

– А это не так?

– Да куда им со свиным рылом!.. Я сразу к Александру Ивановичу – мы ж хоть люди сырые, но понимаем, что неприятности хозяина на нас отразятся.

– Что дальше было?

– Не знаю, – пожал плечами Иван. – Наше дело – хозяина предупредить, а дале – его забота.

– Хорошо, Ваня. Много у тебя родственников в деревне?

– Хватает, – осклабился Тимофеев.

– И в столице есть?

– А как же! Не без этого.

– И флоряков хватает?

– Я не интересовался, но хватает.

– И твой приятель мог бы у них остановиться?

– Никакой он мне не приятель! – Тимофеев даже обиделся. – Жулик он!

– Откуда ты знаешь, что он жулик? – насторожился Яков Яковлевич.

– Как откуда? Все флоряки испокон веку жулики и тунеядцы, всегда хотят на чужом горбу в рай въехать.

– Значит, где мог найти ночлег Васька, ты не знаешь?

– Не знаю, – покачал головой официант.

- Как его отца зовут?
- Звали Петром, но помер он давно.
- То бишь он Василий Петров Тимофеев?
- Точно так.

III

1

Николай Васильевич Клейгельс, потомок древнего шотландского рода, 6 декабря 1895 года был назначен Санкт-Петербургским градоначальником. Генерал-майор имел некоторый опыт полицейской службы: он был переведён на новое место с должности варшавского обер-полицмейстера, где приходилось надзирать не только за жизнью города, но и за появившимися в последнее время возмутителями спокойствия мирных обывателей, противниками царской власти.

Адъютант градоначальника вышел из кабинета начальника и только пожал плечами, когда Шереметевский попросил доложить о его приходе – мол, придётся подождать.

Ожидание затянулось на полчаса. Леонид Алексеевич с нетерпением поглядывал на стрелки напольных часов, издевательски медленно ползущие по циферблату. Попытка выведать у Григория Андреевича цель вызова не увенчалась успехом. Адъютант сказал, что не знает, но во взгляде читалось нечто нехорошее.

Наконец раздался звонок, и капитан Васенко произнёс:

– Прошу следовать за мной.

Открыл дверь, пропустил полицейского чиновника и тут же притворил её со всей осторожностью, будто она была сделана из тончайшего фарфора.

Николай Васильевич, по своему обыкновению, не сидел в кресле за столом, а стоял возле окна, поворотившись лицом к вошедшему. Генерал был высокого роста, статный, с прямой спиной (сказывалась кавалергардская выучка, обрётенная в бытность в училище). Серые глаза не выражали никаких чувств, только с интересом взирали на сыскающего чиновника.

– Леонид Алексеевич, – певучий голос градоначальника звучал в кабинете, будто со сцены, приятным слуху тенором. У Шереметевского по спине прокатилась волна холода. Если генерал начинает не с банального приветствия, а с имени-отчества, то жди беды, или, по крайней мере, больших неприятностей. – Вы ведаете, что творится в столице?

Начальник сыскающей полиции не нашёлся, что ответить на простой вроде бы вопрос, только моргнул, даже не открыв рта.

Генерал, заложив руки за спину, прошёлся по кабинету. Сапоги мягкой кожи не издавали ни звука. Остановившись, градоначальник посмотрел поверх головы подчинённого, словно бы ждал ответа. Но пока ответом была лишь тишина. Только за окном слышались отдалённые негромкие голоса.

– У вас сколько дел в производстве? – Вопрос прозвучал, как удар хлыстом. Леонид Алексеевич не успел ответить. – Понимаю, – генерал не дал сказать ни слова, – что много. Но, дорогой господин Шереметевский, дело делу рознь. Вы меня понимаете?

– Так точно, – машинально произнёс начальник сыскающей полиции.

– Понимаете, стало быть. – Николай Васильевич снова остановился и оперся правой рукой о стол. – И чем вы были заняты с утра?

– Сегодня поступили сведения от пристава Шлиссельбургского участка о нахождении мужского трупа в селе Смоленском...

– Вы там были?

– Да.

– И ваше присутствие там было столь необходимым?

– Ваше превосходительство, мне как начальнику сыскной полиции необходимо бывать на местах особо тяжких преступлений, и поэтому...

– Вы сочли необходимым там побывать?

– Абсолютно верно.

Генерал потерял левой рукой длинный бакенбард.

– Село Смоленское – это рабочая слобода, где находятся с десяток, если не ошибаюсь, крупных фабрик и заводов. И там обитают в основном работники этих предприятий?

– Так точно.

– И там постоянно происходят столкновения местных обывателей, и причиной их, как мне известно, становятся пьяные ссоры.

– Да, Николай Васильевич, в самой слободе больше ста питейных заведений, вот и...

– Значит, ваше присутствие там было не совсем уместным. С делом справятся ваши чиновники для поручений, не так ли?

– Так, но...

– Леонид Алексеевич, вашему попечению предоставлен весь город, и дело, с которым справятся ваши чиновники, не должно отвлекать вас от более важных.

Шереметевский нахмурился, вспоминая, какие более важные преступления он пропустил. Но так и не припомнил. В Петербурге больше никто не пролил ничью кровь, по крайней мере, в центральной части города.

– Я не совсем понимаю... – начал было начальник сыскной полиции.

Генерал поморщился. Как всякий человек, прошедший на военной службе не один год, он привык к тому, что подчинённые понимали его с полуслова. Если будет дан государем срок, то и штафирки привыкнут к такому положению вещей.

– Леонид Алексеевич, – Николай Васильевич указал рукой на стул, – садитесь.

– Благодарю, – Шереметевский не стал отказываться.

– Леонид Алексеевич, – Клейгельс, хотя и направился к креслу, но не сел, а остановился, будто собираясь с мыслями. – Я не буду вас спрашивать, сколько рабочих районов в столице. Это не столь важно. И там, как мне докладывают, постоянно творятся всяческие непотребства. Падшие женщины, пьянство, поножовщина... Я не сгущаю краски?

– Отнюдь.

Генерал поднял руку, показывая, что ещё не настало время ответа сыскного чиновника.

– Леонид Алексеевич, сколько в этом году по весне, как только сошёл снег, обнаружено... – генерал не нашёл ничего лучшего, как после некоторой паузы произнести: – бесхозных тел? Десятки?

– Десятки, – согласился начальник сыскной полиции.

– А сколько, простите, утопленников, – лицо Клейгельса передёрнулось от безразличности, – нашли после вскрытия Невы и каналов ото льда?

– Ну, я полагаю...

– Тоже десятки? И так каждый год. Не подумайте, что я вас призываю оставлять эти преступления без должного внимания, но у вас есть чиновники для поручений, сыскные надзиратели, наконец. А вы должны уделять внимание более образованным кругам нашей столицы. И не оставлять без внимания именно такие нарушения закона. Вы меня понимаете?

Шереметевский не первый год пребывал на полицейской службе, поэтому не только понимал, к чему клонит генерал, но знал наперёд, о чём пойдёт дальнейшая беседа. Это было и при прежних начальниках сыскной полиции – и при Путилине, и при Воштинине – и теперь вот при Клейгельсе. Жители города делятся на категории. Есть те, кто занимает высокие посты и находится ближе к государю и его большой семье. Здесь каждый на виду, и даже малозначительное происшествие раздувается до вселенских масштабов, будь то кража, побег девицы с каким-нибудь смазливый офицером или нежелательная беременность, которую сле-

дует скрыть. А есть те, кто трудится целыми сутками, либо состоя в услужении у первой категории, либо работая на заводах и фабриках, и кого зовут обычно не по имени, а небрежно окликают: «Эй, человек!».

Начальство обычно спрашивает за раскрытие тех преступлений, которые дают возможность получать награды и отличия по службе от господ из первой категории. Второй, конечно, тоже интересуется, но уже не так живо. Ну, убили Васю с Путиловского завода, положим, или Петю с фабрики Паля, – ничего серьёзного. Хозяин нового работника наймёт, а полицейские арестуют какого-нибудь беспаспортного и сдадут дело в архив. А вот если у начальника департамента уделов украдут брошь, то вынь и положь преступника.

Шереметевский всегда протестовал, когда начальники посылали его дознавать дела господ из первой категории, но вот теперь сам примеряет начальственную роль и начинает понимать, почему его прежние начальники так нервически относились к подобным случаям.

– Понимаю.

– Тогда расскажите, как продолжается следствие о краже в доме герцога Лейхтенбергского.

– Преступник обнаружен. Им оказался кухонный мужик Смоленской губернии Вяземского уезда Афанасий Петров.

– Почему я об этом узнаю последним? – генерал сверкнул глазами.

– Ваше превосходительство, я как раз собирался вам об этом докладывать.

Николай Васильевич натужно засопел. Его только сегодня спрашивал об этой краже министр внутренних дел.

Дознание оказалось несложным, но пришлось потратить на него несколько дней и отвлечь десяток сотрудников сыскной полиции.

Герцог Лейхтенбергский положил в ящик письменного стола 1700 рублей, чтобы отдать карточный долг. Но случилась оказия – денег на месте не оказалось. Пришлось герцогу посетить банк, чтобы снять нужную сумму.

Хозяин не обратил особого внимания на пропажу, но всё же пожаловался кому-то из приятелей: «Что за страна, не то, что у нас в Европе. Будет бумажник на улице лежать – никому в голову не придёт его поднять, пока владелец не хватится. А здесь чуть ли не из кармана вытаскивают. Не страна, а...» – и окончил фразу площадными русскими словами. Слухи – а они распространяются быстрее пожара в африканской саванне – долетели до кабинета министра внутренних дел, который попросил генерала Клейгельса разобраться в ситуации.

Вор попытался с самого начала отвести от себя подозрения. При исследовании замка в кабинете выяснилось, что дверь отперта не подобранным ключом, а «родным». Хотя преступник очень расстарался. После этого установили негласное наблюдение за некоторыми слугами. Кухонный мужик в их число первоначально не входил. При проверке знакомых и родственников слуг выяснили, что в дни, предшествующие и последующие краже, никто никуда не отлучался, только Афанасий. Он имел знакомого швейцара-земляка из дома № 12 по Большой Конюшенной, с ним встречался нечасто, но несколько раз просил его отнести какие-то узлы в дом, расположенный в 4-м участке Литейной части. Провели обыск и нашли вещи, ранее украденные у герцога. Петрова взяли под стражу и предъявили краденое. Кухонный мужик отпираться не стал, а сознался в содеянном и даже показал тайник, куда спрятал те злосчастные 1700 рублей. Хранил их в герцогском доме за досками шкафа, стоявшего на чёрной лестнице.

– А сегодняшней безобразный случай?

Шереметевский напряг память, но ничего подходящего припомнить не смог. Возможно, не очень внимательно ознакомился с донесениями от частных приставов.

– Николай Васильевич...

Генерал кривился, но на лице читалось не неудовольствие, а скорее скрытое удовлетворение, что сумел удивить начальника сыскной полиции.

– Леонид Алексеевич, сегодня почти в полдень, это среди белого дня, в четвёртом участке Литейной части злоумышленник ворвался в квартиру великобританского подданного мистера Умбаха, зарезал его жену, ранил служанку, ограбил квартиру и испарился, будто призрак. А вы, господин Шереметевский, посчитали, что пьяное мордобитие рабочих важнее скандала, который может случиться у нас с английской короной?

– Но я...

– Леонид Алексеевич, займитесь самолично столь возмутительным преступлением. Нас и так считают в Европе варварским государством, а тут... Возмутительно!

– Я приму меры к скорейшему разысканию преступника. – Всё же Шереметевский не сдержался и добавил: – Но, судя по газетным публикациям, у них там не меньше происходит преступлений, и не менее кровавых.

Но в глубине души начальник сыскной полиции был весьма раздосадован, что пропустил такое преступление. Как так – градоначальник о нём знает, а сыскную полицию даже не известили!.. Или он сам попросту не обратил внимания на столь приметный случай?

– Разрешите откланяться?

– Пожалуйста, я вас более не задерживаю.

Уже у самой двери, когда Шереметевский взялся за бронзовую ручку, Клейгельс счёл нужным добавить:

– Леонид Алексеевич, не вините себя за то, что пропустили это преступление. Мне сразу же по обнаружении донёс полицеймейстер Первого отделения... э-э... – Николай Васильевич нахмурил лоб. Иной раз бывает, когда человек не может вспомнить имя известного господина, вот и сейчас у генерала вылетела из памяти фамилия.

– Генерал-майор Есипов, – подсказал начальник сыскной полиции.

– Да-да, Владимир Николаевич, – Клейгельс с улыбкой произнёс имя и отчество, показывая тем самым, что он ничего не забывает.

Леонид Алексеевич наклонил голову и вышел.

– Ну, Владимир Николаевич!.. – прошептал Шереметевский.

Кабинет полицеймейстера находился в здании Казанской части, там же, где располагалось и сыскное отделение столицы. Тот мог сразу поставить Шереметевского в известность, но нет – побежал к градоначальнику, чтобы как можно скорее сбросить груз ответственности со своих плеч. А вдруг преступник не будет отыскан? В таком случае подстелить соломки не помешает.

Адрес, где совершено было нападение на жену мистера Умбаха, генерал не сказал. Пришлось Леониду Алексеевичу возвращаться на Казанскую. Шереметевский мог бы получить сведения у дежурного чиновника, но предпочёл услышать из первых уст, то есть от генерала-майора Есипова.

Владимир Николаевич в столь неурочный час находился в кабинете – явно ждал начальника сыскной полиции. Когда адъютант доложил о его приходе, генерал вышел из-за стола навстречу Шереметевскому.

– Леонид Алексеевич, а я вас уже заждался. Тут такое дело у нас... – Есипов тряс протянутую руку и никак не хотел отпускать. – Тут такое дело, я даже не знаю, с чего начать...

Шереметевский хмуро посмотрел на хозяина кабинета.

– Николай Васильевич меня поставил в известность.

Фраза резанула генерала не отсутствием в ней упоминания должности, которую, по мнению Есипова, должен был назвать его гость, а именем-отчеством, будто господин Шереметевский на короткой ноге с градоначальником.

– Вы понимаете, вас не оказалось на месте. Мне сказали, что вы отлучились для дознания убийства, и мне ничего не оставалось, как рассказать всё его высокопревосходительству

господину Клейгельсу. Если бы кого из наших ножом покромсали, то невелика беда, а здесь – жену английского мистера. А они, эти англичане, вы же знаете, очень уж... – генерал-майор не сдержался и выразился площадной бранью.

– Владимир Николаевич, я не за сочувствием к вам пришёл. Вы мне лучше адрес скажите, где произошло преступление.

– Леонид Алексеевич, так я вам провоза того определю. – И генерал быстро добавил: – Обоих в больницу отвезли...

– Жена мистера Умбаха жива?

– Была бы жива, – горько улыбнулся полицеймейстер, – над ней бы сейчас наши эскулапы колдовали. Да вот не сумели спасти...

– Свидетелей нападения нет?

– Есть, служанка. Вот с ней, простите, не помню её имени, можно поговорить. Она хоть сильно порезана, но разговаривать может.

– Её тоже порезали?

– Да, её первую – она открыла дверь, а на пороге какой-то господин в приличной одежде. Он сперва набросился на служанку, а потом прошёл в комнаты, из которых на шум вышла хозяйка. Тогда и она получила свою порцию ударов.

– Как же служанка осталась жива?

– Леонид Алексеевич, вам лучше поговорить с ней. Здесь я вам не помощник, – генерал-майор прикусил губу и раздул ноздри, будто обозлился на себя за словоохотливость.

– Кто вам сообщил о преступлении?

– Пристав четвёртого участка ротмистр Галле.

– Владислав Францевич? Он до сих пор ходит с приставкой «ид»?

Ротмистр третий год заведовал участком, но никак не мог избавиться от этого навязчивого «ид» – «исполняющий должность». Сперва он хотел перевестись исправником куда-нибудь в провинцию, но прикипел душой к своему участку, да и к столице. Говорили, что он нечист на руку, взятки берёт, продукты ему из лавок поставляют, а он закрывает глаза на некоторые «проступки» обывателей. Вот поэтому «ид» так и продолжало присутствовать перед званием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.